

Среди волн

Пьеса в пяти действиях

Спасшись от большевистского ада и немного отдышавшись в Европе, я написал это первое своё сочинение, которое вобрало в себя тысячи тяжких впечатлений, свидетелем которых я был. Его следовало напечатать давно, чтобы вовремя показать соотечественникам, живущим в эмиграции, в особенности молодёжи, что пришлось пережить оставшимся на родине близким и родным, но из-за материальных трудностей мы не смогли выполнить этого нашего долга. Соотечественники из Темпере в Финляндии предоставили нам такую возможность. Мы сердечно благодарим их и предлагаем читателю книгу под названием «Среди волн». Деньги, вырученные от продажи книги, будут использованы исключительно для публикации других моих произведений.

Варшава, 1937 год.

Действующие лица:

Разыя — молодая вдова.

Бану — её дочь, гимназистка.

Хайрулла — средней руки торговец. Квартирант Разыи.

Карима — абыстай — полил соседка, сваха.

Бакыр — крымский татарин, муж Бану.

Шаукат — пленный турецкий мальчик, 9—10 лет.

Фарит — пленный турок, отец Шауката.

Фатых — сын Хайруллы, 10 лет.

Шакра — дочь Хайруллы, 11 лет.

Махруй — соседка. Играет на гармонии, поёт, пляшет.

Зайнап, Марьям, Фатыха, Асма, Хайрия — гимназистки, подруги Бану.

Камиль, Ахмат, Фазыл, Хабир, Вахит — офицеры.

Галима — служанка.

Гульсум — врач.

Пленный — мадьяр

Тимер — грудной малыш Бану.

Хазрат, комиссар, красноармейцы.

Действие первое

К а р и м а. Вот так. Дальше решайте сами, думайте, как вам быть.

Х а й р у л л а. Как говорит Карима-абыстай, решать придётся нам самим. Карима абыстай знает своё дело, надо слушаться её.

Р а з ы я. Ответ мой не изменился. Спасибо за внимание, предложение принять не могу.

К а р и м а. Дочка, это я уже докладывала Хайрулле. Такой ответ не кажется ему убедительным. Прошло время, может, надумала что-то, посоветовалась с кем, во сне что-то видела? Может...

Х а й р у л л а. Нет, абыстай, это не ответ. Скажи ещё что-нибудь. Здесь ведь нет ничего потаённого — всё на виду...

Р а з ы я. Да я знаю, знаю это.

Х а й р у л л а. Я же не распутник какой-нибудь, просто судьба у меня такая, разве мог я знать, что Махфуза покинет меня? Неожиданно ушла она, но, как говорится, за покойником на тот свет не пойдёшь. Живые жить должны. Так что соглашайся уж, абыстай, будь так добра!

Р а з ы я. Вы ставите меня в тяжёлое положение, Хайрулла-абзы.

К а р и м а. Да что же тут тяжёлого-то? Всё в жизни бывает, кто-то умирает, а кто-то выживает. Мужчина этот — холостяк, ты — вдова... Более удачную пару и машиной не вычислить!

Х а й р у л л а. Если детей опасаясь, так ведь, абыстай, сама знаешь, они у меня здоровые, воспитанные, ласковые, если Аллаху угодно будет, тебя как мать почитать станут.

Р а з ы я. Знаю, Хайрулла-абзы, всё знаю, ничего плохого ни о тебе, ни о детях твоих сказать не могу. Только так уж, слово я себе дала, что жизнь посвящу воспитанию единственного своего ребёнка.

К а р и м а. Так ведь Хайрулла не собирается разлучать тебя с ребёнком твоим, дочка!

Х а й р у л л а. Нет, конечно. Если Аллаху будет угодно, всё, что обязан

буду делать, исполню не хуже отца родного. Никогда из ревности не стану упрекать, почему для дочки своей делаешь то да сё. Ты же знаешь, я тоже родитель, и мне после пятнадцати лет совместной жизни непросто было разлучиться с матерью детей. Об этом говорить только легко... Не приведи Аллах! Что делать, три месяца прошло, как предали её земле... За детьми присмотр нужен. Я и сам, слава Аллаху, хотя и не молод, но силы есть у меня.

К а р и м а. Очень хорошо тебе будет, дочка. Словно птица, совьёшь себе гнездо и успокоишься.

Р а з ы я. Да, всё так и есть, но как подумаю о дочке, сразу хочется сказать: «Нет!»

Х а й р у л л а. Ты, абыстай, всё о дочке говоришь. А плохо ли ей будет? Как играла в куклы, так и будет играть. Ведь я ей тоже не чужой. Слава Аллаху, три года уж открываем и закрываем одни и те же ворота, привычки мои, обычаи — всё на виду. Ты когда-нибудь слышала от Махфузы что-то плохое обо мне? Видела, чтобы я возвращался домой в непристойном виде? Будь у меня хоть самый малый порок, татары наши тут же разнесли бы его по всёму свету.

Р а з ы я. Нет уж, Хайрулла-абзы, ничего у нас не получится, не переживай! Не потому, что женихов выбираю. Я поклялась, что замуж не пойду больше.

К а р и м а. Да кому же поклялась ты, дочка? Я не такой уж большой учёный, но всё же знаю, что в Коране нет клятвы, которая удерживала бы человека от священного никяха. Мне такое неизвестно... Ты очень любишь своего ребёнка, он того достоин. Но ведь и ты достойна счастливой жизни. Стоит ли неволить себя ради ребёнка? В жизни всякое бывает — и хорошее, и плохое. Если случится что, с кем поделишься, к кому за помощью обратишься? Ты же знаешь, время теперь лихое — весь мир в крови!

Р а з ы я. Всё верно говорите и всё же... Невозможно это! Спасибо вам обоим, не обижайтесь, Хайрулла-абзы. Давайте по-прежнему останемся добрыми соседями...

Х а й р у л л а (*встаёт*). Честь, как говорится, оказана, да ответ суров...
(*Стоит, думает.*)

К а р и м а. Да, да, так. Может, на сон загадать попробуешь, дочка?
Хайрулла свой человек, он подождёт...

Х а й р у л л а. Если скажешь хоть одно тёплое словцо, ждать буду!
Может, с близкими захочется посоветоваться, съездить на родину к отцу с
матерью? Буду ждать! Три месяца ждал, подожду ещё...

Р а з ы я. Нет, не надо ждать, Хайрулла-абзы! Сегодняшний разговор
пусть будет последним, не обижайся (*вытирает слёзы*).

Х а й р у л л а (*направляясь к двери*). Ладно, до свидания. (*Возле двери
снова оборачивается.*) Да, абыстай, ведь ты не думаешь, если услышишь
какие-то разговоры, будто на добро твоё позарился? У меня и в мыслях такого
не было. На сегодняшний день я раза в три богаче тебя. Не смотри, что
квартиру снимаю, у меня долгов ни копейки нет, магазин — моя
собственность. Если подозреваешь что-то, всё своё имущество отпиши
дочери. Хочешь, я завтра же приведу муллу, нотариуса (если понадобится) и
всё улажу!

Р а з ы я (*качает головой*). Слово моё окончательное, Хайрулла-абзы!
Прости!

Х а й р у л л а. До свидМамая. Прощай, Карима-абыстай.

Хайрулла уходит. Карима встаёт, обе говорят стоя.

К а р и м а. Мне тоже пора! Пусть добром всё кончится, доченька, только
уж больно широко шагнула ты, ай-хай, хватит ли у тебя силёнок? Жить очень
тяжело, дочка! Бывает, что и духу не хватает. И природа тоже своё требует, и
тоска прихватывает порой. Не знаю уж, дочка, не знаю... Ты ещё молода,
здорова. Женщина в самом соку... Что пользы в том, что лишаешь себя
наслаждений, отвергаешь сладкие плоды, дарованные

Аллахом?

Р а з ы я. Ребёнок у меня, Карима-абыстай, ребёнок! Нужно вырастить его, воспитать. И потом, не хочется мне омрачать жизнь дочери. Пусть сперва самостоятельным человеком станет. А уж там видно будет. Если суждено, квартиранта впусти. Вместе и заживём.

К а р и м а. Слишком уж далеко заглядываешь, дочка! Только сможет ли ребёнок твой оценить, как многим пожертвовала ты ради неё? Вспомнит ли о тебе, если жизнь её удачной окажется? Не могу я понять чего-то. Замужество твоё, конечно же, огорчит дочь. Это правда. Но ведь и Хайрулла прав. Оба вы правы. Печально то, что из двух правд одна лишь ошибка рождается. Пусть Аллах сам укажет тебе верный путь! *(Выходит.)*

Р а з ы я *(одна. Ложится на стол и плачет)*. Три года старалась я привыкнуть к одиночеству, и вот всё обрушилось, рана моя снова открылась, душа в смятении. Ах, где он, мой покой! Может, дети его моими стать могли бы. Заново построили бы гнездо и зажили полной жизнью. Я стала бы матерью его детям, а он — отцом моей дочери. Жизнь моя наполнилась бы смыслом, праздники проводили бы по-человечески весело, а в горе плакали бы вместе. Жила бы я шумно, припеваючи... Может, согласиться, пока не поздно? *(Ходит по комнате.)* Или... Или... Право, не знаю, что делать. Не знаю. О Аллах, ну почему ты создал меня такой нерешительной? Почему не могу, как другие, жить весело и беззаботно? Может, сказать всё же: «Согласна я, Хайрулла-абыз!» Бедняга, как счастлив был бы он! Радость просто распирала бы его!.. О детях заботилась бы. Ребёнок у меня, сынок родился бы, отдала бы его в медресе... Сказать что ли? *(Идёт к двери и останавливается. Плаксивым голосом.)* Скажите же, о ком мне думать — о дочке или о себе?

Дверь открывается, входит Б а н у в гимназической форме.

Б а н у. Mamочка, это я... *(обнимает мать за шею)*. Mamочка, почему плачешь? Плакала почему? Mamочка, родная моя, не плачь, не надо, валлахи, не надо плакать!

Р а з ы я. Нет, нет... Дочка, доченька моя! (*Обнимает Бану и начинает неистово целовать в голову.*) Дочка, девочка моя! Вечная подруга моя! Мы никогда не расстанемся с тобой...

Б а н у. Мамочка моя! (*И тоже начинает плакать.*)

Р а з ы я (*выпускает дочь из объятий и тяжело вздыхает*). Ладно, дочка. Всё, прошло. И огонь, и ветер... Садись. Есть хочешь?

Б а н у (*плаксиво*). Хотела, но теперь не хочу!

Р а з ы я. Ладно, вытри глаза... Галима, подай туташ обед!

Бану садится за стол. Разыя включает свет и, взяв шитьё, устраивается рядом. Некоторое время молча смотрят друг на друга. Г а л и м а заносит суп.

Б а н у. Я сейчас с Халимой возвращалась. Старшего её брата в солдаты забрали.

Р а з ы я. Когда?

Б а н у. На днях. Боятся, как бы на границу с Турцией не отправили.

Р а з ы я. Когда же, наконец, прекратится эта война? Говорили, через три недели закончится. Уже три месяца прошло, а конца, похоже, и через год не будет. Не затянулась бы на годы.

Б а н у. Говорят, дочь Фахри-мирзы на фронт сестрой милосердия отправляется.

Р а з ы я. Вот глупая! Видно, здесь работы ей не нашлось. Только и дела, что за русскими мужиками грязь убирать!

Б а н у (*ест*). Я, мама, поем и на репетицию пойду. Велели быстро прийти.

Р а з ы я. Будет когда-нибудь конец этим вашим репетициям! Ты ведь уже большая девочка! Не годится вести себя, как маленькая.

Б а н у. Нет, мама, нет... Асма тоже идёт, и Гайша, и дочка Сажиды. А ещё дочь хромого Шакира. Всё вместе идём. Не играть, лишь своячениц изображать будем (*ест*). Надоел мне суп. Мама, почему не испечёшь пирог с тыквой?

Р а з ы я. Да кто же зимой пироги с тыквой печёт? Такое разнообразие в еде ни к чему. Ладно, ты у меня под крылышком живёшь, и всё капризы твои выполняются. Ещё не известно, в какую семью попадёшь, кем муж будет, какая свекровь попадётся!

Б а н у. Алла! Что ты такое говоришь, мама! Не выйду я замуж, с тобой не расстанусь никогда! (*Подходит к матери, обнимает, целует её.*) Нет, не выйду! Ни за что... Галима! Галима! Галима! Эй, глухарка!

Показывается Г а л и м а.

Б а н у (*Галиме*). Подай самовар да побыстрее! Одну только чашку выпью и побегу.

Р а з ы я. Всё девочки так говорят, а как время подходит, глядишь, а она уж и замужем. Такое со всеми случается. И ты исключением не станешь. Пусть Аллах в мужья тебе святого пошлёт!

Б а н у. Не надо, мама, не говори об этом! (*Галима готовит стол к чаю. Разыя заваривает чай. Бану, подойдя к двери, стучит ногой в пол и ложится, слушая.*) Фатых! Шакира! Эй! Слышите меня? Идите сюда, наверх! И гитару захватите! Не слышу! (*Прикладывается ухом.*) Что?

Р а з ы я. Чего ты кричишь? Может, люди у них. Разве нельзя послать Галиму?

Б а н у (*встает с пола*). Всё, мама, всё! Зайнап с Марьям по пути забрать меня обещали. Мы, мама, только один раз прорепетируем.

Р а з ы я. Давай садись, пей чай, ты же целый день не ела ничего, вон как осунулась!

Б а н у (*глядится в зеркало и поправляет волосы*). Да нет, мама, совсем немножко. Как ты думаешь, волосы мои подрастут ещё? В газете писали, будто есть лекарство — волосам расти помогает. Купи, а?

Р а з ы я. Ну да, конечно. Волос тогда на голове и вовсе не останется! Будешь вовремя есть и пить, они вырастут сами по себе.

Б а н у (*продолжает говорить*). А ещё есть, будто бы, крем такой — смягчает кожу и лицу нежности придает.

Р а з ы я. И где только ты собираешь всякую чепуху?

Б а н у. Почему же чепуху — в газете!

Р а з ы я. Всё это ерунда, юной девушке никакие снадобья не нужны.

Выходят Ш а к и р а и Ф а т ы х — дети десяти лет. В руках Фатыха гитара. Бану причёсывается.

Ф а т ы х и Ш а к и р а. Как здоровье, абыстай?

Р а з ы я. Слава Аллаху, проходите! Хорошо ли растёте?

Ф а т ы х. Слава Аллаху!

Р а з ы я. Идите сюда. (*Даёт детям орехи. Бану всё ещё занята собой.*)

Учитесь прилежно?

Ш а к и р а. Стараемся, абыстай.

Р а з ы я. По маме скучаете?

Ф а т ы х. Очень скучаем, абыстай! В пятницу отец водил нас на кладбище, там очень холодно. Мама, бедняжка, мёрзнет, наверное.

Р а з ы я. Нет, она же в раю!

Ш а к и р а. А в раю тепло, правда?

Б а н у. Ещё как! Там много цветов, птичек, камней драгоценных — жемчугов, кораллов! А дворцы, какие! — из агата и яхонта. Кругом лучи, птицы щебечут-заливаются. В ручьях звон музыкальный, листья на деревьях да и сами деревья в танце под музыку качаются! Даже цветы песенки поют!

Ф а т ы х. Там, наверное, много фруктов, конфет, орехов.

Б а н у. Всёго, всёго очень много...

Р а з ы я. Если будете слушаться отца и станете хорошо учиться, вы тоже в рай попадёте.

Ф а т ы х. Ах, почему же рай не здесь? На улице снег. Буран! Ветер!

Б а н у. Потому что русских много... Вон, у турков, не так. Там зимой и летом цветы, весной и осенью фрукты: яблоки, дыни, арбузы, изюм... При Сююмбике и здесь так же было.

Ф а т ы х. Вот бы там пожить!

Входят З а й н а п и М а р ь я м. Одна держит гитару, другая — балалайку.

З а й н а п и М а р ь я м. Здравствуйте!

Р а з ы я. Проходите девочки! Сами-то вы здоровы?

Б а н у (*встаёт*). Садитесь. Чаю хотите?

Р а з ы я. Разве гостя спрашивают, хочет он или нет?

Б а н у. Да какие они гости? (*Показывает на Зайнап.*) Эта у меня цветик Алчачак, а эта соловушка Сандугач.

Р а з ы я. Кем бы они ни были, каждый, кто откроет твою дверь и переступить порог — гость твой!

Девочки кладут инструменты, раздеваются.

З а й н а п. Мне не надо, я только что пила.

М а р ь я м. И мне не надо.

Б а н у. Уж по одной хотя бы выпейте! А то я обижусь...

Р а з ы я. Выпейте по чашечке. Бану только что села пить чай.

М а р ь я м. Спасибо. Не опоздать бы нам.

Бану наливает девочкам чаю.

З а й н а п. Как бы инструменты не запотели. Ну-ка, джигит, покажи свою гитару. (*Фатых берёт гитару и начинает играть.*) Да, это хорошая гитара.

Всё берут свои инструменты и вместе начинают играть мелодию «Галиябану». Одна садится за пианино. Разыя сидит и слушает.

Б а н у. Нравится тебе, мама? Правда же, здорово!

Р а з ы я. Хорошо, очень хорошо... А слов нет разве?

Б а н у. Есть, есть. В первом действии у нас хор. Начинай, Сандугач.

Марьям встаёт и начинает петь. Под конец подруги присоединяются к ней. Девочки поют, в это время в дверях появляется М а х р у й с гармонью в руках.

М а х р у й. Валлахи, не выдержала я, пришла, не ругайте меня.

Р а з ы я. Проходи, проходи!

М а х р у й. Прохожу, прохожу. А ну-ка, девочки, дайте и мне местечко!

(Галима выглядывает из двери. Махруй присоединяется к музыкантам. Кончив играть.) Раньше-то, в молодости нашей, театров и в помине не было. Уж я бы тогда показала себя, валлахи! Жили, как в лесу дремучем...

Б а н у. А теперь давайте спляшем. Мама, можно стол отодвинуть?

(Разыя встаёт. Девочки освобождают место.) Махруй-абыстай, начинай плясовую. Только играй тихо, эти присоединятся к тебе. А мы с Алчачак спляшем.

М а х р у й. Много их, плясовых-то. Вам какую? «Атню» или «Касима»?

Вот ещё мишарская есть!

М а р ь я м. Начинай какую-нибудь.

Махруй играет плясовую, другие музыканты присоединяются, две девочки пляшут.

М а х р у й. Не так, Бану, не так. Когда поворачиваешься, кружились легко, как бабочка: зы-р-р-р! Вот так, вот так! А ты, Зайнап, на пальчиках, на пальчиках ступай! А то шлёпаешь, как лошадь мужицкая. Да не так... не так... Чего стоймя-то стоишь, будто скалку проглотила! Всём телом танцуй, пусть каждый член двигается! Да нет же, не так! Астагфирулла! А ещё девочками

зовётесь! (*Кладет гармонь.*) А ну-ка, Бану, выходи, иди ко мне навстречу! (*Бану начинает плясать.*) Вот так, выше голову, чего кислая такая, словно мужик русский, у которого овин сгорел! (*Зайнап начинает плясать.*) Так... Назад не прогибайся. Не топчите ногами, стоя далеко друг от друга, сближайтесь?! Одна будто гонится за другой! (*Останавливаются.*)

Р а з ы я. Хорошо получается.

М а х р у й. Хорошо, хорошо! Надо бы ещё легче. Девочки, а вы знаете, что такое танец?

М а р ь я м. Танец он и есть танец. Что же ещё?

М а х р у й. Смысл понимаете?

Р а з ы я. Кокой же в этом смысл?

М а х р у й. Танец, если хотите знать,— это всё м книгам книга!

З а й н а п, Б а н у. Объясни, Махруй абыстай, мы не понимаем.

М а х р у й. Это когда душа твоя рвётся куда-то, рвётся так, что ты уже не в силах сдерживаться. Ты, будто ретивый конь, мчишься вслед за ней. В гору, едва поспевая, летишь, как весенний крылатый ветер. Всё тело твоё, всё существо в полёте, и кажется тебе, что вот-вот поймашь её. — Прогибается душа — прогибаешься и ты; душа воспаряет — вверх летишь и ты вместе с ней; душа плачет — плачешь и ты вместе с ней; а как засмеётся, смеёшься и ты...

Б а н у. А моя душа не рвётся никуда!

М а х р у й. Конечно, ты же дочка матери своей...

Р а з ы я. Уж не думаешь ли ты, что душа её матери никуда и ни к чему не стремится?

М а х р у й. Нет, не стремится! Если бы стремилась...

Р а з ы я. Молчи, Махруй!

М а х р у й. Молчу, молчу, не бойся!

Б а н у. И что бы случилось, если бы мама стремилась, Махруй-апа?

М а х р у й. Что было бы? А не жила бы так скучно, как сейчас! А ну, девочки, спляшите-ка ещё под эту вот музыку! (*Играет.*)

З а й н а п. Пошли с нами, Махруй-абыстай! Одну только пляску хотя бы покажешь.

М а х р у й. Да что ты! Если Хаджи-абзы узгает, задаст мне!

М а р ь я м, Б а н у. Махруй-абыстай, пойдем уж, а? Мы никому не скажем! Спляшешь, в шаль завернувшись.

М а х р у й. В молодости я уж наплясалась под шалью-то, надоело. Нет, девочки, идите без меня. *(Девочки одеваются.)*

Р а з ы я. Смотрю я на тебя, Махруй, и диву даюсь, как же легко ты живёшь!

М а х р у й. Жизнь для всех одинакова. Всё зависит от отношения к ней: взвалишь на себя тяжело, так и жизнь будет тяжёлая. Ну что хорошего жить в тоске? Слава, Аллаху, Разыя, я всёго вдоволь наглotalась в жизни — и горького, и пресного. Третье гнездо сменила, шутка ли! Всём дано двадцать четыре часа в сутки: можно черпать тяготы жизни со дна, а можно и сверху легонько захватывать. Сегодня — день мой, а что будет завтра — увидим! И завтра будет светить всё то же солнце!

Р а з ы я. Я не могу так думать.

М а х р у й. Думай! Не дури! Не отвергай своей удачи, пожалеешь ведь, пожалеешь!

Девочки одетые заходят попрощаться.

Ф а т ы х с Ш а к и р о й. До свидания, абыстай.

Р а з ы я. Как ваш отец?

Ш а к и р а. Отец вернулся откуда-то и лёг. Голову повязал. Говорит, голова разболелась. И чай пить не стал.

Р а з ы я. Вот как...

М а х р у й. Вот так вот. Если б было иначе, так бы не было.

Б а н у. Ты чего это, Махруй-абыстай, какими-то загадками с мамой разговариваешь?

М а х р у й. Ты молода ещё, чтобы понять!

Р а з ы я. Всё в порядке, дочка. Это шутка такая.

Д е в о ч к и. До свидания! До свидания, Разыя-абыстай, до свидания,
Махруй-абыстый!

Б а н у. До встречи, мама!

Р а з ы я. Возвращайся пораньше, дочка. Голова у меня побаливает.

М а х р у й. Пока дверь открыта, пойду тоже. Прощай, Разыя.

Всё уходят.

Р а з ы я (*одна стоит посреди комнаты*). Говорят: прилёг с головной болью... И голову повязал... Что-то холодно мне стало. (*Завёртывается в шаль.*) Замёрзла я... зуб на зуб не попадает! Холод... Застыла совсём...

Слышно, как на улице завывает ветер, разыгрался буран. Свист в печной и водопроводной трубе, в окнах стучат ставни.

Занавес.

Действие второе

Через полтора года. Тот же дом. В комнате много огня. Г а л и м а наводит на столах порядок.

Г а л и м а. С утра пораньше в очередь за сахаром бежать велят, не успеешь вернуться, в очередь за керосином гонят, потом посылают на Сенной базар — не удастся ли, мол, добыть рису немного, перца осьмуху, и мыла, хотя бы один фунт. Ходи и побирайся по лавкам. Ладно бы за деньги, а то ведь в долг попрошайничать надо! Вот такие времена настали! Наверное, это и есть конец света! (*Глядится в зеркало. Взяв в руки газету.*) Проклятого царя дураком называют, видно, так оно и есть... (*Смеётся.*) С немцем войну затеял, голодранец! Сколько парней молодых погубил, в ауле ни одного не осталось, чтобы глаз положить можно было. Видать, девчонки-то всё в девках сидеть

будут! А ну-ка поглядим, что пишут! «Кавказский фронт, от главнокомандующего». А это что такое? По-человечьи написать что ли не могут! (*Читает...*) «Наши героические войска продвинулись вперёд, захватили три пулемёта». Ха! «захватили!» Если бы «захватили», не подорожал бы ситец до шестидесяти копеек за аршин! Обманщики! (*Снова читает.*) «Пропала коза, рога загнуты, шерсть длинная... белая, на шее красная лента. Человек, видевший её, пусть сообщит портному Ахмадулле, проживающему в доме слепого суфия по улице Тегаржеп!» Ну да, только и дел у нас, что козу твою искать! Так прямо и расстарались!

Р а з ы я входит в наружную дверь.

Р а з ы я (*в верхней одежде*). Пока шла, из сил выбилась: три трамвая пропустила. Народу в них битком, яблоку упасть никуда... Говорят, люди на войне гибнут, откуда же они здесь берутся?.. (*Галиме.*) Теперь и ты у нас за газету взялась?

Г а л и м а. Да уж, считаешь тут! Слышно, снова солдат на пять лет набирают. Два моих брата, братишка, зять на войне. Проклятый этот никак уж к отцу моему подбирается!.. Абыстай, чего доброго, он и женщин скоро на фронт погонит! Он же русский, чего хорошего ждать от него?

Р а з ы я. Не болтай глупости!

Г а л и м а. Не говори «нет». Вон есть же доктор, она ещё туташ нашу лечила. Её, говорят, тоже забрали.

Р а з ы я. Так она же доктор, её не в солдаты, а в больницу взяли. Ты про еду-то не забыла? Придут ведь скоро (*Садится.*) Уф, устала! Ещё целый вагон людей вывалили. Кормить их сил не хватает. Всё говорят: «Мусульмане мы, мусульмане»,— а сами по-нашему ни словечка не знают! Спрашиваю, зовут как: «Гайша», отвечает. И написано так. Книжки у них. На каком-то тарабарском языке. После еды всё молятся. И мулла есть.

Спрашиваю: «Как зовут?» «Иван»,— отвечает.

Г а л и м а. Иван... (*Хохочет.*) Иван! Иван хазрат! Чего только ни услышишь «Иван хазрат», ха-ха-ха...

Р а з ы я. Говорят, что они польские мусульмане. Жили, якобы, как мы, а потом их русские захватили, и потеряли они язык свой...

Г а л и м а. Бедняги! Небось, и песен не знают?

Р а з ы я. Не знают ни слова!

Г а л и м а. Не превратимся ли и мы в таких?

Р а з ы я. Почему превратимся? У нас столько мечетей, школ! Ну, (*торопливо встаёт*) сейчас нагрянут. Пойду, переоденусь... (*Из другой комнаты.*) Перец нашла?

Г а л и м а. С трудом выклянчила осьмуху. Не дают и всё! «Нет!» — говорят. Фахри, водовоза, помните? Он ещё воду возил нам?..

Р а з ы я. Ну и что?

Г а л и м а. Так сын его аж офицером заделался! Я чуть со смеху не умерла! Саблю пристегнул, она на боку у него болтается! (*Смеётся. Пауза.*) А Вели помните, что из Заказанья?..

Р а з ы я. И что?

Г а л и м а. Он ещё у Кабана ичигами да кавушами торговал? Говорят, сын его в ауле муэдзином стал.

Р а з ы я. Ну и пусть, если справится! Половина Казани (всё сыночки байские) на завод Водкина рабочими устраиваются. Умирать-то не хочется никому!

Входит Х а й р у л л а в военной форме.

Г а л и м а (*удивлённо*). Ой, Хайрулла-абзы!

Х а й р у л л а. Здравствуй. Абыстай дома?

Г а л и м а. Дома, дома!

Р а з ы я (*появляется, с головой закутавшись в шаль*). А, Хайрулла-абзы, это вы? Проходите.

Хайрулла проходит и садится. Служанка уходит.

Х а й р у л л а. Думал, дай-ка зайду попрощаться. Завтра в поход выступаем, молитесь за меня!

Р а з ы я. Пусть Аллах хранит вас. Неужели ничего не смогли сделать, чтобы остаться? Люди ловчат как-то, кто там прописывается, кто — тут.

Х а й р у л л а. Раньше не подумал как-то, пропал у меня пыл, жить стало неинтересно! Потом на грыжу понадеялся, а они, проклятые, и смотреть не стали — годен, говорят... Да ведь оставшимся тоже не дают покоя — ничего хорошего. Вот сын Хасана восемнадцать раз за полгода комиссию прошёл. Пусть Аллах поможет ему.

Р а з ы я. А с магазином что сделали?

Х а й р у л л а. Закрыв я его! Да и товар кончился. Война эта всё уничтожила. Словом, закрыл я его. Дома Карима-абыстай с дочкой останутся... Я всёго заготовил им на год — сахар, керосин и прочее. Уж вы, абыстай, пожалуйста, приглядывайте за моими детьми!

Р а з ы я. Ладно. Если повезёт, постарайтесь побыстрее вернуться. Может, с помощью денег удастся уладить как-нибудь!

Х а й р у л л а. Я и сам надеюсь на это... Вот, абыстай, хочу своими руками передать вам — плата за квартиру на год вперёд. Если детям не хватит денег, оставил на всякий случай сумму Вели-абзы, я же бывалый хозяин, всё постарался предусмотреть, даже завещание написал. Если со мной случится что-то, завещал построить в моём ауле школу. Ты будешь свидетелем! *(Даёт деньги.)*

Р а з ы я. Спасибо.

Х а й р у л л а. Это что за меджлис у вас? Уж не выдаёте ли Бану-туташ замуж?

Р а з ы я. Нет, такого пока нет...

Х а й р у л л а. Молодёжь растёт, мы стареем (*Показывает на свою бороду.*) Седеет борода.

Р а з ы я. После смерти Махфузы сдали вы!

Х а й р у л л а. Да, это так. Ухода не было.

Р а з ы я. И не женились...

Х а й р у л л а. Да, да, и не женился... (*Молчат. Через некоторое время.*) Оказалось, что женитьба — совсём непростое дело... В прошлом году после разговора с вами попытал счастья в другом месте. Согласие быстро получил, обменялись, как положено, подарками. Настал день никяха. «На меджлисе сам сидеть буду», — сказал я. Пришли муллы. Будущий тесть позвал в другую комнату, чтобы договориться о калыме. Дверь была открыта. Вижу: невеста моя стоит и жуёт серу... Неприятно мне стало. Подумал: чего ждать от женщины, которая даже в такой день серу жуёт, и сказал: «Я воздержусь пока». Оставил подарки, оплатил расходы — главное было голову подобру-поздорову унести. Прошли дни и месяцы, и вот — повестка... А ты, абыстай, тоже постарела.

Р а з ы я. Да уж, не молодеем...

Х а й р у л л а. Я думаю иногда: может, поколение наше жить не умело?.. Ладно, я постарел... Но ведь и ты увядаешь просто так, совершенно напрасно...

Р а з ы я. Верно...

Х а й р у л л а. Оба мы прожили бесплодную, пустую жизнь! Пустую.. (*Молчание.*) Дочка-то ваша другой будет. Лет ей немного, а сколько ребят вокруг неё вьётся... Этот, чёрнявый парнишка, красивый довольно! Похоже, он не прочь жениться... Глаза-то всё примечают.

Р а з ы я. Не знаю уж, Хайрулла абзы, молодёжь тоже нелегко понять... Галима! Галима! (*Показывается Галима.*) Приготовь нам чаю.

Х а й р у л л а, Спасибо, спасибо...

Р а з ы я. Нет, нет, нельзя так! Ведь это важный день в вашей жизни! И в нашей тоже... Сегодня дочка сказала мне: «Давай гостей позовём». «Зови,

дочка», — говорю. Похоже, она задумала что-то. Хочет сказать, а не может, стесняется, что ли...

Х а й р у л л а. Так вот дела-то какие...

Галима приносит чай. Разыя с Хайруллой садятся за стол.

Х а й р у л л а. Стол для гостей накрыт, а мы порядок нарушаем.

Р а з ы я. Всякое дело, когда с участием стариков начинается, удачным бывает... Джигит этот приходит к нам чаще других. Не покажется один день, так дочка тут же нос вешает. *(Пьют чай.)*

Х а й р у л л а. Кто он? Что она говорит?

Р а з ы я. Крымчанин... Учился в Москве, здесь на практике,

Х а й р у л л а. Похоже, хороший он джигит.

Р а з ы я. Что тут скажешь — судьба! Я ведь что думала: выдам её за кого-нибудь из своих, впущу зятя к себе... Да всё не так получается.

Х а й р у л л а. Пусть у вас всё хорошо будет! *(Творит молитву.)* Спасибо, абыстай, до свидания! У вас впереди праздник (показывает на стол), а у меня долгий путь. Марш-марш! Ни конца ему, ни края. На русский праздник отправляемся... *(Его душат слёзы.)* Грустно мне... Дети без отца остаются... С чужими. Ни отца у них, ни матери, ни тёти, ни дяди... *(Вытирает глаза.)* Думаю, если бы в тот день вы вели себя иначе, такого не было бы...

Р а з ы я. Уж ты не обижайся, Хайрулла-абзы, людям свойственно ошибаться...

Х а й р у л л а. Для обиды нет повода... И всё же, было бы иначе... *(Пауза. Сквозь слёзы.)* Здесь радость! Свадьба! *(Показывает на свой дом.)* Там печаль, одиночество, сиротство! *(Показывает вдаль.)* А там война. Кровавая бойня! Прощай! *(Уходит.)*

Р а з ы я. Да хранит тебя Аллах! Возвращайся живым и здоровым! *(Громко рыдает. Пауза. Осторожно ступая, из внутренних комнат выходит Карима.)*

К а р и м а. Или уж нет никого?

Р а з ы я (*вытирает глаза*). Есть, Карима-абыстай!

К а р и м а (*стоит неподвижно*). Вот ведь как оно случилось, но что было, то прошло, Разыя! А ведь я тогда говорила тебе! Предупреждала.

Р а з ы я. Да, говорила, Карима-абыстай... Всё из-за дочки!

К а р и м а. Да, дочка... Вот и теперь дочка твоя... (*Смотрит по сторонам.*) Нет никого?

Р а з ы я. Нет, нет.

К а р и м а. По дороге в театр она была у меня... Бабушка, говорит, до моего возвращения поговори, пожалуйста, с мамой, сама я стесняюсь. Джигит тот... Как уж его звать-то?

Р а з ы я. Бакир.

К а р и м а. Да, верно... Бану сказала, что сегодня он собирается просить у тебя согласия. Дочка твоя умоляла: «Пожалуйста, пусть мама не отказывает ему... не возражает...» (*Обе молчат.*) Ну, что скажешь на это? Почему молчишь?

Р а з ы я. Что тут скажешь, Карима-абыстай? Молчать — вот единственное, что мне остаётся. Сама знаешь, в жертву этому ребёнку я принесла всю мою жизнь. Мечтала вырастить её, воспитать хорошим человеком и, как всё люди, мужа её думала взять к себе и зажить вместе с ними... Поскольку своей жизни у меня нет, хотела жить их жизнью, зятя любить как сына, воспитывать внуков... И вот, всё обернулось иначе! Молчание — вот мой удел. Про Крым говорит... Крым! Это же так далеко! Туда и птица не долетит! Запуталась я совсём...

К а р и м а. Понятно, тут немудрено запутаться. Но ты, дочка, не должна повторить ошибку, которую допустила тогда. Знаешь ведь, теперешние дети другие: из-за того, что мама не дала согласия, они решения своего менять не станут. Смотри, как бы большие неприятности не нажила! Ради ребёнка один раз ты уже принесла себя в жертву.

Р а з ы я. Да, да, ты верно говоришь. Так душа болит, Карима-абыстай...

К а р и м а. Конечно, конечно... Но ведь ты дашь согласие, не будешь возражать?

Р а з ы я. А что мне остаётся? Соглашусь, стиснув зубы...

К а р и м а. Дай-то Аллах, чтобы всё добром обошлось! Пойду, Хайруллу проводить, надо. До свидания! *(Уходит.)*

Р а з ы я. Да, единственный мой ребёнок... Единственная дочь покидает меня... Оставляет одну... В Крым уезжает!.. *(Плачет в голос.)*

С улицы входят Б а н у, З а й н а п. Бану идёт к матери.

Б а н у. Ты почему плачешь, мама? *(Обнимает мать.)* Милая моя, что случилось?! *(Зайнап стоит неподвижно.)*

Р а з ы я *(освободившись из объятий дочери)*. Почему плачу? Если у меня нет причин радоваться, так думаешь, что и горевать мне нельзя? Я тоже человек... Женщина!

Б а н у. Mamочка, родная моя, я, валлахи, не знала... *(снова обнимает.)* Mamочка, золотце моё, мамочка! *(Плачет.)*

Разыя обнимает дочку, целует её волосы, обе плачут.

Р а з ы я. Пусть всё кончится добром, дочка! *(Выходит.)*

За дверью слышатся голоса. Входят девушки: М а р ь я м, Ф а т и х а, А с м а и джигиты: К а м и л ь, А х м е т, В а х и т. Камиль и Ахмет в форме прапорщиков.

К а м и л ь *(раздеваясь)*. Как вкусно пахнет!

М а р ь я м. Нос у Камиля-эфенде такой чуткий! Обоняние тончайшее!

К а м и л ь. Да уж, этот нос чует всё! Даже духи Марьям туташ улавливает! Да-да...

М а р ь я м. Какой же вы, однако, изысканный!

З а й н а п. Проходите, гости!

А х м е т (*в сторону*). Кого же это мы замуж-то выдавать будем, Зайнап-туташ? Уж не вас ли?

З а й н а п. Да, меня...

А х м е т. А как зовут того счастливика, что станет вашим мужем?

З а й н а п. Имя его... А разве вы не знаете? Это же вы! (*Всё смеются.*)

А х м е т. Ах, как жаль, что я на государственной службе!

Х а б и р. Что скажите, девушки, в театре весело было?

А с м а. Мне кажется, что второе действие не удалось. Садык там должен был до конца стоять на своём.

З а й н а п. А роль Хайрии получилась поверхностной.

В а х и т. А где же хозяйева?

З а й н а п. Сейчас появятся, только платья сменят.

В а х и т. Что ж, мы люди военные, — ждате привычные.

Ф а т и х а. Вахит-эфенде, армия ваша всё ещё взгромождает солнце на небо?

В а х и т. А как же, туташ! Я только что отдал приказ, чтобы солнце сволокли вниз.

Входит Б а н у.

Б а н у. Добро пожаловать, гости, проходите!

Д ж и г и т ы. Большое спасибо, туташ.

Б а н у. Рассаживайтесь!

Х а б и р. Мы боимся. Пока уважаемый наш наставник-самовар не воцарится на своём месте, с нашей стороны было бы неуважением садиться раньше.

Б а н у. Самовар сейчас прибудет!

Р а з ы я (*выходит с головой укрытая шалью*). Здравствуйте, гости.

В с е. Здравствуйте, Разыя-абыстай, здравствуйте!

Р а з ы я. Я вроде бы здорова пока...

Х а б и р. Столовая ваша для беженцев всё ещё существует?

Р а з ы я. Да... Но уж очень они надоели. Оказалось, эти так называемые польские мусульмане весьма своеобразные существа. Мы бесплатно обслуживаем их, кормим, поим, одежду выдаем... а они ругаются, требуют чего-то ещё, недовольны, что мало даём. Ведут себя так, словно они тут сваты долгожданные!

А х м е т. Да, они такие. Однажды явились к нам и говорят: «Мы — жертвы войны, мусульмане, нас должно принимать с уважением». Я сказал им: «Войну-то ведь не мусульмане развязали. Нам от неё пользы нет. Мы только помогаем русским». После моих слов приуныли.

Р а з ы я. Гости всё здесь, дочка? Надо бы принести самовар.

К а м и л ь. Сейчас сделаем, абыстай!.. Сюда идёт Бакир-эфенде со своими друзьями. Задержались немного.

Р а з ы я. Гости! Если не трудно, давайте дождёмся их!

В с е. Нам не трудно!

Р а з ы я. Вы же устали после театра.

Всё разговаривают между собой в разных местах.

К а м и л ь. Да, есть немного. Слишком длинны были действия.

Входят Б а к и р, Ф а з ы л. Бакир держит какой-то свёрток. И у Фазыла в руках что-то есть.

Б а к и р. Ассаламегалейкум!

В с ё. Вагалекем ассалам! Ты, друг, ждуть себя заставляешь!

Бакир раздевается.

Б а к и р (*Разые*). Здравствуйте, абыстай! Как здоровье?

Р а з ы я. Сами-то как?

Б а к и р (*говорит на крымском говоре*). Слава Аллаху!

Р а з ы я. Прошу вас, садитесь, гости.

Всё стоят в нерешимости, не зная, куда садиться.

А х м е т. Давайте рассаживайтесь по моей команде! Я же офицер. Итак, Бакир-эфенде — сюда, *(Помогает ему сесть.)* Бану-туташ! *(Сажает рядом.)* Абыстай, прошу вас!

Р а з ы я. Нет, хозяйева так высоко не садятся. Я же чай разливать буду.

З а й н а п. Чай я буду разливать! *(Разыя несмело присаживается.)*

А х м е т. Ну а вы, девчата, подсаживайтесь к парням, которые вам по душе!

Смеясь, рассаживаются. Г а л и м а вносит самовар.

Г а л и м а. Здравствуйте, гости!

Г о с т и. Слава Аллаху, сама ты здорова ли, Галима!

Г а л и м а. До здоровья ли тут, по четыре раза на дню в очереди бегаю, стоим, будто афичер на посту! И чего это сюда столько аучтри нагнали? Весь город завалили проклятыми!

А х м е т. Не горюй, завтра же издадим указ и всех прочь прогоним!

Р а з ы я. Галима, принеси угощение!

Г а л и м а приносит балиши, Марьям с Зайнап принимаютя разливать чай.

О д н о м у и з г о с т е й. Вам крепкий?

О д н а д е в у ш к а. Мне некрепкий.

Д р у г а я д е в у ш к а. А мне, Зайнап, одного только кипятка.

Р а з ы я. Прошу вас! *(Разрезает и подаёт балиши.)*

К а м и л ь. А вы, туташ, разве не будете чай?

О д н а и з д е в у ш е к. Нет, Камиль-эфенде.

К а м и л ь. Очень жаль!

Д е в у ш к а. Почему?

К а м и л ь. Хотел было просить руки вашей, но раз такое дело — всё, баста, я передумал.

Д е в у ш к а. Позвольте узнать, это какое же такое дело?

К а м и л ь. Девушка, которая не пьёт чай, разве это татарка? Как жить, если буду лишён счастья сидеть у самовара, заваривать чай и наслаждаться жизнью? Зачем мне жениться?

М а р ь я м. Вы что же, только для того собираетесь жениться, чтобы супруга чай вам наливала?

К а м и л ь. Нет, не только. А ещё, чтобы суп готовила!

Д е в у ш к и. Видали, умника такого!

Всё разговаривают с соседями.

Р а з ы я. Всё вы газеты читаете, скажите, когда война кончится?

Х а б и р. Войне пока конца-края не видать!

О д н а д е в у ш к а. А как дела у турков?

Х а б и р. Сейчас неплохо! Англичане до сих пор в себя прийти не могут после того, как турки выбили их из Дарданелл.

М а р ь я м. Да, это было смешно! Отец, бедняга, газеты читал и всё боялся, что Стамбул падёт. А тут вдруг является, сияя словно жених. «Что нового?»— спрашиваю, а он: «Турки хорошо наподдавали этим проклятым,— говорит, — и выкинули их из Дарданелл».

В а х и т. Везде настоящий праздник был!

Р а з ы я. Хоть бы уж скорее кончилось!

К а м и л ь. Так бы оно и было, да уж слишком глубоко проникли.

Всё пьют чай. Бану с Бакиром о чём-то говорят между собой.

А х м е т. Бакир-эфенде желает сказать нам что-то. Внимание, господа!
(Бакир встаёт.)

Б а к и р (повернувшись к Разые). Уважаемая Разыя-ханум! Я студент, учусь вдали от родины. В вашем доме я встретил искреннее внимание и уважение. За всё сердечное вам спасибо! Слава Аллаху, экзамены я сдал, пришло время распрощаться со студенческой жизнью и приступить к служению моему народу. За время, проведённое в Казани, я познакомился с сокровищем вашим, с любимой вашей дочерью Бану (Бану кивает). Я присмотрелся к ней, узнал характер. Она узнала меня. Вы так же видели меня, слышали обо мне. Теперь я стою на пороге новой жизни и, если будет суждено, собираюсь вернуться на родину и стать адвокатом. Чтобы легко было шагать по избранному пути, чтобы была у меня спутница, близкий друг, я приглашаю Бану-туташ стать моей женой, моей подругой. Она как воспитанная дочь благородной матери хочет получить ваше благословение. И вот я с нижайшим поклоном прошу вас позволить дочери разделить судьбу со мной и узаконить нашу взаимную любовь — дать согласие на никаях! Я очень прошу вас не отвергать мою мольбу! (Раскрасневшись, садится. Тишина.)

Р а з ы я. Спасибо, Бакир-эфенде! В таком важном деле благословение отца и матери на первом месте... А как ваши родители? Вы получили их благословение?

Б а к и р. Получил. Они пишут, чтобы я скорее привёз сноху. Они ждут её с нетерпением.

Р а з ы я. Дочь моя росла без отца, мне не с кем было советоваться. Вас я тоже знаю совсём немного. Думаю, вы хорошо продумали своё решение... Бану единственная дочь моя, мой единственный друг... Ведь вы не собираетесь злоупотреблять доверием одинокой вдовы и её беззащитной дочери-сироты?

Б а к и р. Аллах да убережёт меня от такого! Астагъфирулла, Разыя-ханум!

Р а з ы я (стоит молча, через некоторое время). Если дочка согласна, я не возражаю тоже.

Бакир встаёт и целует руку Разии. Вынув из букета, протягивает Бану красный цветок. Бану берёт цветок, Бакир целует ей руку.

В с е д ж и г и т ы и д е в у ш к и. Поздравляем!

Б а к и р (*взяв Бану за руку, подводит к матери*). А теперь, абыстай, благословите нас!

Р а з ы я. Посидите немного... Галима! (*Галима входит.*) Ступай, позови Хайрулла-абзы, скажи: «Абыстай просит сейчас же прийти на молитвенное благословение по поводу помолвки туташ. (*Галима уходит.*) Приготовьте место для человека, который готовится выступить в дальний путь. Душа его в печали, молитва такого человека без сомнения будет принята. Джигиты готовят место напротив Разии. Переглядываются с удивлением.

Г а л и м а (*возвращается и объявляет пронзительным голосом*). Хайрулла-абзы ушёл в поход.

Р а з ы я. Ушёл в поход... Теперь и дочь в поход собирается! Давайте же помолимся! Джигиты и девушки! Дочь моя готовится сделать самый важный шаг в своей жизни — ступает на опасный мост Сират¹, пусть она не будет так же несчастна, как её мать. Пожелаем ей удачи! (*Голос её дрожит от подступивших слёз.*) Бакир-эфенде! Женщины — существа слабые и беспомощные. Дочь моя росла без отца, я берегла её, как умела. Я передаю это бесценное сокровище тебе, будь ей мужем, другом, советчиком! Дочка, с сегодняшнего дня ты выходишь из-под крылышка матери. Вот кто отныне станет тебе опорой, кто будет делить с тобой горе и радость! Ты ещё молода и неопытна! Слушайся его, будь к нему внимательна, уважай, как уважала учителей своих! Не изменяй ему! Недостатков мужа не замечай! Свои недостатки не показывай! Давайте же помолимся!

¹ С и р а т к у п е р е (*рел.*) — мост над адом, по которому души праведников проходят в рай.

Всё возводят руки. После молитвы друзья и подруги подходят к молодым и поздравляют. Бакир берёт свёрток и подносит Бану. В нём подарки. Всё принимаются разглядывать их. Со стороны комнат появляется М а х р у й, в руках у неё гармонь.

М а х р у й. Меня хотя и не звал никто, всё же решила я повеселиться на свадьбе. Поздравляю молодых! Да будет благословенна ваша свадьба! Говорят, на свадьбу рвутся всё — даже колотушка! Неужели же Махруй упустит такое! Махруй, которая устроила жизнь свою, пробивая лёд собственным носом?!

Р а з ы я. Вот хорошо! Проходи, Махруй-абыстай!

Д е в у ш к и. Добро пожаловать, Махруй-абыстай!

Д ж и г и т ы. Просим, абыстай!

М а х р у й. Я скажу, скажу сейчас (*садится*). В жизни встречаются две породы людей: одни не умеют лакомиться яствами, которые ставят перед ними (*смотрит на Бану*), как мать твоя. Другие являются туда, куда их не зовут, и сами берут что положено (*указывает на себя*). Так что, молодёжь, не ждите, когда вас будут баловать, балуйте себя сами!

Д ж и г и т ы и д е в у ш к и. Верно, Махруй-абыстай, очень даже правильно!

М а х р у й. Музыка-то есть у вас?

Принимается играть на гармони. Одна девушка садится за пиМамано. Молодёжь разбивается на пары. Место Хайруллы остаётся пусто. Разыя за столом осталась сидеть одна.

Занавес (*опускается медленно, под музыку*).

Действие третье

Через год. Тот же дом. Служанка Г а л и м а.

Г а л и м а (*выставила оконную раму*). Сразу светлей стало. Весне душа радуется. (*Смотрит по сторонам.*) Вокруг Ханской мечети никак уж травка пробилась?! В ауле у нас девушки в эту пору холсты отбеливают, к сабантую готовятся... Эх, жаль, что не будет нынче сабантуя! На майдане бороться некому! Разве что мальцы за конфеты да пряники выступать станут? Девушки ушли, а снох молодых нет — даже полотенца собрать негде! Для скачек уж и лошадей не осталось — всех забрали... Ведь три года прошло! А болван этот всё воюет и воюет, уж половину земли немцу отдал! (*Напевает песню на мотив «Германской».*)

Только прыгнешь в Агыдель,
Вода расплеснётся,
Как услышишь крик кукушки,
Сердце вдруг забьётся...

М а х р у й (*кричит из окна второго дома*). Галима, уж больно грустно поёшь, джигита что ли очаровать собралась?

Г а л и м а. Да где это ты джигита-то видела? Разве они остались ещё? Кроме этих аучтри, никого не видать.

М а х р у й. Денёк-то какой! Солнышко так и сыплет лучами!

Г а л и м а. А скворцы уже прилетели, Махруй-абыстай?

М а х р у й. Нет пока. Весна-то нынче ранняя... Хочешь, на гармонии тебе сыграю? Петь будешь?

Г а л и м а. Шпарь давай! Глядишь, на душе полегчает маленько...

Махруй играет, Галима поёт про войну. Со стороны комнат появляется К а р и м а.

К а р и м а. Разыя не пришла ещё?

Г а л и м а (*работает*). Нет ещё, Карима-абыстай, я и сама жду её. Всё работу ищет на свою шею. После поляков этих передохнула было, так теперь в мусульманский лазарет мотается. И что за радость за солдатами грязь убирать?

К а р и м а. Не говори так, они ведь тоже дети человеческие. Не по своей воле воевать пошли... От Бану есть что-нибудь?

Г а л и м а. Есть. Каждую неделю получаем. Туташ ребёнка ждёт, если родится мальчик Тимером назвать собираются.

М а х р у й. Тимер, да?! Ха-ха! *(смеётся)*. Тоже мне нашли имячко! Тимер! Второй будет, так Томыром назовут!

К а р и м а. А почему? По-моему очень даже неплохо. Был же храбрый падишах такой — Аксак-Тимер, русским от него хорошо досталось...

Г а л и м а *(кричит)*. Ты чего замолчала, Махруй апа?

М а х р у й. Хазрат в мечеть идёт...

К а р и м а. Галима, как только Разыя вернётся, постучи мне ногой, ладно? Нужна она мне.

Г а л и м а. Ладно, Карима-абыстай, по пути погляди, не потух ли самовар мой!

К а р и м а *(издали)*. Выкипел твой самовар!

Г а л и м а. Да уж, наверное! *(Выходит с оконной рамой в руках. Сцена опустела, только гармонь Махруй слышна. Возвращается.)* Что-то холодно стало. *(Высунувшись из окна.)* Учтри! Эй, учтри!

А в с т р и е ц *(с улицы)*. А?..

Г а л и м а. Дрова таскай давай!

А в с т р и е ц, А?

Г а л и м а *(по-татарски)*. Дрова, говорю, таскай в дом! *(Рукой показывает.)*

А в с т р и е ц. А?

Г а л и м а. Ну и тупица же ты! Ни в зуб ногой!

Австриец приносит дрова, бросает на пол.

Г а л и м а. Ох, и напугал ты меня!

А в с т р и е ц. А?

Г а л и м а (*подходит близко*). А. а... Немой учтри!

А в с т р и е ц. Но учтри, но учтри! (*Бьёт себя в грудь*.) Мажар...

Г а л и м а. Учтри.

А в с т р и е ц. Но учтри, мажар... (*Показывает на бороду*.) Сакал...
(*Показывает руку*.) Ал, ал...

Г а л и м а. Перемяч! Да он же по-нашему знает!

П л е н н ы й (*показывает на свой топор*). Балта...

Г а л и м а. Махруй-абыстай, учтри по-мусульмански знает!

М а х р у й. Правда? Сейчас приду. (*Входит в дверь с гармонью*.)

Г а л и м а. Твоя сакал...

П л е н н ы й. Сакал... (*Показывает на руку Галимы*.) Ал. (*Показывает свой топор*.) Балта.

М а х р у й. Учтри, как твоя — знай?

П л е н н ы й. Но учтри, мажар...

М а х р у й. Мажар? Кто такой мажар, Галима? (*К пленному*.) Твоя — турок?

П л е н н ы й. Но турка. (*Показывает на Махруй*.) Турка! (*На Галиму*.) Турка!

Г а л и м а. Мажар, мажар... Чёрт разберёт, что это такое!

М а х р у й. Да, да. За Казанью аул есть такой. «Мажар башы». (*Пленному*.) Твоя баранчук есть? (*Пленный не понимает. Галима показывает будто плачет. Пленный кивает*.) Сколько? (*Считает на пальцах*.) Один, два, три...

П л е н н ы й (*на пальцах*). Ике! (*Показывает на карман*.) Юк!

Г а л и м а. И моя юк.

П л е н н ы й (*огляделся, показывает Махруй на гармонь*). Уйна!

Махруй играет, пленный показывает на пианино, выражает желание играть. Ему разрешают. Он играет «Марш Орды».

Г а л и м а. Это же турецкая музыка, её в театре играют.

Пленный смеётся, продолжая играть.

Г а л и м а. Видишь, абыстай, как здорово играет нашу музыку и слова наши знает...

Р а з ы я (*входит*). На всю улицу расшумелись! Что за праздник у вас тут?

Пленный перестаёт играть, кланяется Разые.

Р а з ы я. Закрой окна, дома холодно, как в амбаре. Давай проходи, Махруй, чай пить будем...

М а х р у й. На готовенькое и я всёгда готова! Интересно всё же, откуда он нашу музыку знает?

Р а з ы я. Самовар неси! (*Галима закрывает окна.*) Ну, и что такое он играет? (*Пленному.*) Играй! (*Показывает рукой. Раздевшись, садится.*)

Пленный снова играет марш. Галима вносит самовар. Разыя разливает чай. Пленный продолжает играть. Входит К а р и м а. Держит за руку м а л ь ч и - к а лет 11.

К а р и м а. Здравствуйте!

Р а з ы я. Прходи, Карима абыстай, хорошо, что пришла!

М а л ь ч и к. Это наш марш! Орда!

Подходит к инструменту и начинает петь. Пленный, смеясь, продолжает играть, мальчик поёт. Женщины слушают с удивлением. Музыка смолкла.

Р а з ы я. Хорошо, хорошо! (*Наливает пленному чай. Галима относит ему еду и чай. Пленный ест, оставаясь на месте.*)

К а р и м а. Была я на Сенном базаре, так один солдат-мусульманиан кричит: «Не возьмёт ли кто турецкого ребёнка? Я с собой кривёл его». Я и

говору: «Давай мне», а сама о тебе подумала, Разыя. Вот, если хочешь, сынок тебе.

Р а з ы я. Иди сюда, детка, как звать тебя?

М а л ь ч и к. Шаукат.

Р а з ы я. Отец у тебя есть? (*Мальчик не понимает.*) Мать есть?

Ш а у к а т. Матери нет, ханум-эфенде. Была мама, пришёл казак — убил. Бабам убежал...

К а р и м а. Многие слова понять можно.

Р а з ы я. Садись! (*Мальчик садится, ему дают чай.*) Сколько лет тебе?

Ш а у к а т. Лет сколько? Одиннадцать.

Г а л и м а. Прямо по-нашему лопочет!

Р а з ы я. А как же иначе, мы — один народ! Братья есть у тебя?

Ш а у к а т. Был брат, звали Халим-ага. Пришли армяне, убили. Мечеть была — казаки сожгли.

К а р и м а. Он хорошо рассказывает. Послушаем? Ну, сынок, рассказывай, что там было.

Ш а у к а т. Что было? Была зима, праздник... Били в барабаны. Солдаты пришли, пели марш военный. В ауле праздник был, много конфет. Пошли к мечети, увидели на минарете красный флаг. Имам молебен проводил... Потом генерал на белом коне появился, сабля у него золотая была... «Сыны мои, сказал, падишах приветствует вас». Закричали люди: «Падишах наш, живи тысячу лет!» Всём раздали винтовки. Сосед Халит, торговец фруктами Ахмат и бабам получили оружие. Я сказал: «Дайте и мне», а они говорят: «Ты ещё маленький»... Вскоре пришло много солдат, всё шли и шли. В нашем доме стали жить офицеры. Мама приготовила плов, пожарила мясо, угостила катытом... Был очень большой праздник. После военные ушли в горы... Рано утром мы слышали ружейные выстрелы, бабам побледнел. «Сынок, из дома не выходи, — говорит, — сюда идут казаки». Были выстрелы и взрывы. И вот в аул набились казаки. Бабам взял ружьё и ушёл в горы, мы остались... Ночью не могли уснуть. На другой день всё женщины и дети собрались в мечети. Туда

пришли казаки, армяне, стреляли... Мама закричала: «Ля илахе илле Алла». Ружья стреляли без остановки. Мечеть наполнилась дымом, я упал... Увидел маму. Она лежала на полу в луже крови... Сестрёнка тоже была в крови. «Шаукат»,— сказала мама и обняла меня... Потом она перестала дышать... Снова пришли армяне. Стреляли. Всё окуталось дымом... И соседка Халимаханум и жена имама Асма-ханум, и сноха Бакира Фарбия — всё были мёртвые. В мечети было холодно... Меня увёл русский казак. Мы ушли далеко. Я попал в больницу. Человек по имени Гали взял меня к себе, но и он умер от раны, меня оставил безрукому Хамиту. Этот передал меня другому. С человеком по имени Фатых сели в поезд. Там тоже было холодно. Ехали очень долго. Приехали сюда. Смотрим, город тюркский, есть мечети. Ханум-эфенде, скажите, когда придёт бабам?

Р а з ы я. Придёт, придёт.

Ш а у к а т. Я пойду в школу, потом стану офицером. А ещё позже буду пашой, на белом коне скакать буду.

К а р и м а. Ну, да...

Р а з ы я. В газетах писали: много детей остались сиротами, этот, выходит, один из них... Ладно, пусть остаётся, товарищем мне будет (*Обращается к мальчику.*) Сынок, умеешь ли ты читать?

Пленный звякнул чашкой. Галима налила ему ещё.

Ш а у к а т. Умею...

Р а з ы я (*Галиме*). Принеси какую-нибудь книгу! (*Галима приносит.*)

Ш а у к а т (*читает*). Я в школу пойду, учиться буду...

Р а з ы я. Хорошо, хорошо, а теперь выпей чаю! До возвращения отца, поживёшь у нас...

К а р и м а. Скажи: «баба».

Р а з ы я. До возвращения твоего «бабы».

Ш а у к а т. Я не буду есть, я в школу пойду.

Р а з ы я. Пойдёшь.

К а р и м а. Сколько народу пропало на войне! Благодарите Аллаха, что далеко мы!

Раздаётся стук в дверь.

Г а л и м а. Иду, иду! (*Через некоторое время возвращается с письмом и газетами.*) Почта!

Р а з ы я. От Бану, наверное. (*Вскрывает, начинает читать, всё молча ждёт.*)

К а р и м а. Что там?

Р а з ы я. Всё здоровы. Пишет, что Бакира в солдаты взять хотели, но комиссия отсрочила на три месяца... Выходит, там тоже в солдаты забирают...

Со стороны комнат слышен шум. Ш а к и р а и Ф а т ы х входят с плачем.

Д е т и. Бабушка, бабушка, отец наш умер. Родимый на войне погиб, нет отца у нас, убили его! (*Подают Разые письмо.*)

Всё вскакивают, пленный встаёт тоже, всё стоят, замерев.

К а р и м а. Читай же!

Р а з ы я (*читает сквозь слёзы*). «Вам, досточтимым детям, от нас, Ахметхана сына Мухамметжана из аула Карга Романовской волости Спасского уезда, большой привет. Сим сообщаю вам, что отец ваш Фахретдинов Хайрулла сын Хисамутдина, солдат третьего стрелкового его величества царевича полка, в сражении, каковое имело место на второй день февраля на Австрийском фронте, был тяжело ранен и на другой день помер в лазарете... Всё дела велел уладить, как в завещании прописано. Да пребудет

душа его в милости Аллаха. Написавший сие, да будет вам ведомо, Ахматхан сын Мухамметжана. Молитесь за меня, дабы вернулся живым и здоровым...»

Всё плачут.

К а р и м а (*воздев руки молится*). «Инна лилейхи ве инна илейхи ражигун».

Г а л и м а (*глядя на пленного, стучит кулаком по столу*). Это твои учтри убили его! Зачем убили? (*Показывает на детей.*) Что теперь с ними будет?

П л е н н ы й (*растерянно*). Нет учтри, нет учтри...Мажар.

Ш а у к а т (*подходит к Фатыху*). Моя мать тоже умерла... Не плач!
Мы всё равно в школу пойдём... Офицером будешь.

К а р и м а (*уводит детей*). Нет, сынок, неправда это! Кто знает, как оно на самом-то деле... Ведь ошибки случаются!

Всё с плачем уходят, Махруй уносит гармонь, прикрыв её. Разыя и Шаукат остаются. Разыя рыдает.

Р а з ы я. Ах, бедняга! Ах, бедняга! Я, как живого, вижу его перед собой! Вот здесь сидел, пил чай. Сказал: «До свидания, будьте здоровы! За детьми моими приглядывайте!...» Ещё сказал: «Что-то потерял я интерес к жизни...» И об отсрочке не хлопотал. «И вот, ухожу теперь в поход»,— сказал, а сам слезами захлёбывался... «Прощайте, если бы в тот раз было иначе, сегодня не так бы было. Простите»,— говорил. Он прав, если бы тогда случилось иначе, и сегодня было бы не так. Он не лежал бы теперь где-то далеко, среди русских... Не испустил бы последний дух без «Ясина», не валялся бы теперь без савана, брошенный, как падаль. Прости меня, Хайрулла-абзы, прости! Прости! Я виновата... Я пожертвовала тобой ради своего ребёнка. И не только тобой... собой тоже... Прости! Не держи на меня обиды! Прости! Ты умер там, задыхаясь, весь в крови, тоскуя о детях, а я здесь задыхаюсь от одиночества, от доли своей сиротской... Сердце моё стынет от холода, куда деваться не знаю, где голову преклонить... Ради её счастья, ради покоя души её я обоих

нас лишила будущего. Может, было бы теперь со мной много красивых ребятшек...Всём пожертвовала ради неё, а её нет рядом! Она уехала... Уехала в Крым. Она и понятия не имеет о том, на какие жертвы пошла мать ради неё... Она была поглощена своей жизнью... Ей возможно, и в голову не пришло подумать: «Мама остаётся одна, сиротой. Маме будет очень грустно». Потеряв голову от любви, забыла обо мне, не представляла меня покинутой, не могла представить! Я не обижаюсь... Честное слово, не в обиде я на тебя...Будь счастлива, родная моя... Пусть никогда не познаешь ты разочарования, душевного надлома! Уезжая, не предложила: «Мама, поедem с нами!»— хотя бы ради того, чтобы матери стало легче...

Ш а у к а т. Ханум-эфенде, не плач!

Р а з ы я. Нет, нет, дитя, видишь, я уже не плачу! Иди ко мне! (*Обнимает мальчика.*) Здесь один сирота, там, в доме Хайруллы их двое. Осиротевшая старушка найдёт себе место среди них! Кто-нибудь из детей согреет её душу! Вы счастливы, так радуйтесь же, любите, будьте любимыми, живите! Мы же — пасынки судьбы, наше дело — печалиться, плакать, петь грустные песни... (*Шаукату.*) Сынок, умеешь ли ты принимать омовение?

Ш а у к а т. Умею!

Р а з ы я (*гладит его по голове*). Иди, прими омовение. Галима! Галима!

Галима входит.

Г а л и м а. Что?

Р а з ы я. Ступай к Кариме-абыстай, скажи, чтобы дети приняли омовение и пришли сюда. Скажи, что будем читать тахлилль по поводу кончины Хайруллы-абзы. Махруй тоже скажи. Еды приготовь побольше, дети сегодня у нас обедать будут. (*Идет принять омовение.*) Сцена опустела. Через некоторое время возвращается Разыя, потом Шаукат.

Ш а у к а т. У нас в ауле возле мечети ручей был, вода в нём очень чистая. Во время Рамазана мама вкусно готовила... Давала блины... Во время сахяра у нас били в барабан.

Распуская засученные рукава, входит К а р и м а, в руках у неё чётки. За ней Ф а т ы х и Ш а к и р а — оба всё ещё заплаканы, М а х р у й.

Р а з ы я (*гладит детей по головке*). Идите сюда, дети (*Стелят молитвенные коврики, садятся на них рядком.*) Давайте, дети, почитаем тахлилль, посвятим его душе вашего отца: если жив, пусть скорее вернётся, а если умер, пусть душа его будет в раю!

Дети снова громко плачут.

К а р и м а (*громко*). Ля илахе илла Аллахе! (*Всё шёпотом повторяют. Через некоторое время.*) Вы посвятили этот тахлилль душе Хайруллы сына Хисамутдина? (*Всё громко плачут.*) Посвятили?

В с е (*отвечают сквозь слезы*). Посвятили. (*Воздевают руки.*)

Вбегают Г а л и м а, никого не замечает.

Г а л и м а (*кричит*). Абыстай, народ говорит, будто того проклятого царя прогнали! Мусульманам, якобы, легче станет. Весь народ на площадь сбежался! Скорей!

Всё встают, вытирают глаза. Разыя открывает окно. С улицы доносятся крики: «Да здравствует свобода!»

К а р и м а. В таком случае войне тоже конец! Кто жив остался, вернется домой!

Ф а т ы х. Только наш отец не вернётся! Только наш!

Ш а к и р а. Сдох проклятый царь и отца загубил...

Ш а у к а т. Мой отец тоже вернётся! В аул поеду, в школу пойду, офицером буду!

П л е н н ы й (*входит, рот до ушей, показывает на себя.*) Мажар, Мажар! Мажар!

Р а з ы я. Пойдёмте всё!

Одеваются, идут на улицу. Шум, слышны голоса: «Да здравствует свобода! Да здравствует нация!»

Занавес.

Действие четвёртое

Год спустя. Всё тот же дом. На сцене никого. Через некоторое время выходит женщина-врач Г у л ь с у м, за ней Р а з ы я. Разыя повязала голову белым платком. Сверху укрылась большой шалью. Она осунулась, постарела, кашляет.

Г у л ь с у м. Ничего у вас нет, абыстай, просто прохватило холодом. Дня два посидите дома.

Р а з ы я. Да как же мне не выходить? Она — единственная дочь у меня, вот уже два месяца, как нет от неё никаких вестей. Душа у меня болит.

Г у л ь с у м. Не волнуйтесь, возможно, и не случилось ничего. Вот получите письмо, всё ясно будет.

Р а з ы я. Спасибо за добрые слова. Всё газеты полны сообщений о войне большевиков в Крыму. Уж если такого великого человека, как муфтий, порезали саблями и выкинули в море, что же с нашими сделали?

Г у л ь с у м. Думаю, ничего не случилось. Принимайте лекарство утром и вечером. Берегитесь, абыстай, простуды!

Р а з ы я. Раньше-то, бывало, заварить душицы, выпьешь с мёдом — простуду как рукой снимало. А теперь, где он, мёд, где душица?!

Г у л с у м. Ешьте всё, только будьте осторожны — берегитесь простуды!
Вид у вас изнурённый, видно, страдаете много?

Р а з ы я. Да, так уж вышло! Такая у меня судьба... Как оглянусь назад, ни одного радостного дня! Я и на свадьбе плакала, и на похоронах...

Г у л ь с у м. Вот теперь успокойтесь. Пойдут пароходы, поедете в Уфу на кумыс. Надо на время климат сменить, абыстай!

Р а з ы я. Да, наверное, так! Всё зависит от того, какие будут новости из Крыма. Об одном молюсь, чтобы зятя не убили, и дочка сиротой не осталась бы, вроде меня...

Г у л ь с у м. Не надо так думать. До свидания, абыстай!

Р а з ы я. До свидания, а можно мне пить шафран с «Аятелькорси»?

Г у л ь с у м (уходя). Очень даже можно! До свидания.

Р а з ы я (тихонько идёт к окну). Мне всё время кажется, что дочка вот-вот должна появиться... Как трудно жить вдали друг от друга! Шаукат, сынок, ты дома?

Ш а у к а т (кричит из другой комнаты). Я здесь! (Через некоторое время входит.) Тебе нужно что-нибудь?

Р а з ы я. Нет, ничего не надо, просто вдруг почувствовала себя одинокой и позвала тебя (гладит мальчика по голове). Ты уроки готовишь?

Ш а у к а т. Да, завтра в одной школе будем по-турецки петь. Ты пойдёшь, ханум?

Р а з ы я. Нет, сынок. Ты же видишь, нездорова я. И от дочери нет ничего! Говорят, там, в Крыму, русские перерезали много мусульман. Мне страшно... Всё так же, как у вас было. (Снова гладит его.) Иди, сынок, готовь уроки. А вечером помолись за здоровье дочери и зятя, ладно?

Ш а у к а т. Ладно!

Разыя вытирает глаза, кашляет. Шаукат уходит.

Р а з ы я (одна). Что-то беспокойно мне! Думаю, может Хайрулла-абзы умер с обидой на меня? С тех пор, как не стало его, никак в себя прийти не

могу... Всё кажется, что шайтан, враг какой-то, напасть готовится... Страх не покидает меня, Шаукат!

Ш а у к а т (*из другой комнаты*). Что, ханум?

Р а з ы я. Учителя говорят вам, что большевики собираются перерезать здесь мусульман?

Ш а у к а т. Нет, ханум, нет!

Р а з ы я. Хорошо, если и в Крыму не будет такого.

Входит Га л и м а в верхней одежде.

Г а л и м а. Ты чего это, абыстай, в потёмках сидишь?

Р а з ы я. А что, разве стемнело уже? Я и не заметила!

Г а л и м а (*зажигает свет*). Ну вот, веселее стало. Духтыр обещала быстро прийти, была?

Р а з ы я. Была. Что нового?

Г а л и м а. Что нового? А то, что у этих нет никакого толку! Туда пойдёшь, требуют бумагу отсюда! Сюда пойдёшь — оттуда требуют. Ходила, ходила: «Иди в Шуру», — говорят. Пошла в эту их Шуру, а там народдищу! Не протолкнуться! Оказалось, весь молодняк, который при туташ к нам ходил, теперь там собрался! Сын Камала водовоза сидит надутый такой, шуру изображает. Пошла к нему, говорю: «Абыстай не получает вестей от дочери, переживает очень. Каждый день телеграммы посылаем, а ответа нет, узнай, говорю, в чём дело». Важно так отвечает: «Ладно, посмотрим». Сидит, что твой хазрат! Говорю ему: «Не посмотрим, а узнай и скажи! Отца твоего абыстай много кормила, забыл, что ли?» Тут появился Ахмат, который при Бану ходил к нам. «Ты чего тут. Галима?» — спрашивает. «Как чего, при туташ вы каждый день у нас лопали, руки у меня отнимались, ставя вам самовар, а теперь и носа не кажете, а абыстай волнуется очень, два месяца уже от туташ нет ничего, на телеграммы не отвечает, вот и узнай, в чём дело-то», — говорю. «Вон как, — отвечает, — верно, верно», — и ушёл. Привёл ещё одного.

Потолковали между собой. Этот и говорит: «Завтра свяжусь по прямому проводу». Мне, говорю, всё равно, по какому свяжешься, по прямому или кривому, — нам бы узнать только, что с ней! «Ладно,— говорит, — сам сообщу». Про тебя спросил, здорова ли. «Здорова, говорю, да только тревожится больно».

Р а з ы я. Не скажут ли чего? Я так боюсь, Галима!

Г а л и м а. А когда же ты не боялась-то? Ты и свадьбы боишься, и похорон... Видно, такой уж уродилась...

Р а з ы я. Но ведь предчувствия мои всегда верными были!

Г а л и м а. Ну, были! И что из того?.. Лекарство не прописал доктор?

Р а з ы я. Нет, велел пить, что есть.

Г а л и м а. Видела нашего ачтри, на хорошем коне сидит, одет, как офицер, смеётся: «Я большевиком стал»,— говорит. Ну, надо же! Я уж возле своих ворот была, когда встретила служанку хромого Шакира. «Ты куда, Марфуга?»— спрашиваю. «Я, — сообщает, — замуж вышла». «За кого?» «За ачтри!» — говорит. «Так разве он мусульманин?» «Нет»,— отвечает. «Ну нельзя же, коли не мусульманин!» «Теперь можно, — говорит, — закон такой вышел». Ох и удивилась же я, абыстай!

Р а з ы я. Астагъфирулла!

Г а л и м а (*идёт к двери*). Словом, конец света! Самовар ставить?

Р а з ы я. Поставь. Будем чай пить. Не позовёшь ли к чаю кого-нибудь?

Г а л и м а. А кого?

Р а з ы я. Да нет, я так просто, думала, с посторонним легче будет. (*Галима выходит. Разыя одна. Через некоторое время.*) Шаукат! Ты здесь?

Ш а у к а т (*из другой комнаты*). Здесь, ханум!

Р а з ы я. Когда закончишь уроки, сходишь, чтобы молитву на тарелке мне написали, ладно?!

Ш а у к а т. Ладно, ладно.

Р а з ы я (*подходит к окну*). Ещё один день прошёл, на улице темно. Опять вестей не было... (*Зябка передёргивает плечами, долго кашлет, садится*

к столу.) Если бы живы были, обязательно сообщили бы как-то — письмо прислали бы или телеграмму... Не иначе, как убиты! Шаукат, у вас, когда убивали мусульман, телеграммы посылали?

Ш а у к а т. Я не понял, ханум!

Р а з ы я. Ну, да, конечно. Ладно, продолжай заниматься. Всё в руках Аллаха... (*Стук в дверь.*) Постучались, что ли? Неужели, телеграмму принесли? (*Снова стук.*) Галима! Галима! Стучат! Телеграмму принесли, наверное.

Галима проходит, расправляя засученные рукава.

Р а з ы я. Хоть бы уж хорошей была новость! (*Дверь открывается, входит человек в форме солдата. Галима стоит у него за спиной.*) Что нужно?

Ч е л о в е к (*говорит, примешивая турецкие слова.*) Ханум-эфенде, простите, турецкий мальчик живёт у вас?

Ш а у к а т (*кричит из другой комнаты*). Бабам! Бабам! (*Выбегает и вешается отцу на шею.*) Отец, Отец!

Ч е л о в е к. Сынок, сынок! (*Долго стоят, обнявшись.*)

Р а з ы я. Вот счастливые люди встретились! А от моей дочки всё ещё нет ничего!

Ч е л о в е к. Простите, ханум-эфенде, я два года назад потерял сына...

Ш а у к а т. Это отец мой, ханум-эфенде! Отец!

Р а з ы я. Проходите... Садитесь!

Ч е л о в е к. Спасибо... (*Проходит, садится. Шауката берёт к себе на колени.*) Большое спасибо вам за сына!

Р а з ы я. Не стоит. Я содержала его как мусульманского сироту. Ничего особенного сделать для него не смогла, простите! (*Галиме.*) Гость замёрз, наверное.

Г а л и м а. Сейчас, сейчас...

Р а з ы я. Как зовут вас, кунак?

Человек. Фарит, ханум!

Разыя. Живой человек когда-нибудь да появляется. Мой муж умер, осталась вдовой... Дочка есть, её вырастила. Она вышла замуж, уехала в Крым, осталась я совсём одна... Был сосед, очень хороший был человек. В солдаты забрали, погиб... *(Кашляет.)* А теперь дочь потерялась, два месяца уже — ни слуху, ни духу. Слышно, русские в Крыму жестоко расправились с мусульманами. Страшно подумать: уж не убиты ли мои?!

Фарит. Нет, ханум-эфенде, нет, иншалла, живы они...

Разыя. Ах, если бы!.. *(Галима вносит самовар, разливает чай.)*
Эфенде, разденьтесь!

Фарит *(растерян)*. Я не очень-то хорошо одет, ханум, мы же в плену... Два года уже швыряют нас из одного конца России в другой. Только при большевиках бежать удалось. Хотел отыскать семью. Был в Сибири. Два месяца спрашивал, узнавая во всѣх городах, и вот дошёл до вас. *(Снимает шинель, под ней оказались лохмотья.)* Я бы руки помыл, ханум!

Разыя *(Галиме)*. Принеси таз с водой!

Галима приносит таз, кумган, мыло, Шаукат держит полотенце.

Фарит *(моет руки и говорит)*. В Казани три дня искал. Заходил в несколько домов, но моего сына там не было. *(Треплет Шауката по голове.)*
А он, оказывается, здесь!

Галима наливает чай. Фарит садится.

Разыя. Ешьте, устали, наверное! К чаю привыкли уже?

Фарит. Я уже ко всёму привык.

Разыя. И по-татарски хорошо говорите!

Ф а р и т. В лагере мы читали только татарские газеты. (*Начинает есть и пить.*) Сынок вырос. Вы очень хорошо воспитали его, ханум, спасибо! (*Ест, набивая рот.*) Сегодня я ещё не ел... Простите, ханум!

Р а з ы я. Ешьте, ешьте, не стесняйтесь... Галима, нет ли у нас чего горячего?

Г а л и м а. Сейчас суп готов будет!

Ф а р и т. Не хлопочите! Мы привыкли жить впроголодь...

Ш а у к а т. Отец, у тебя же не было бороды.

Ф а р и т. А теперь вот выросла, сынок! Так захотелось. (*Разые.*) Сына нашёл. Осталось жену отыскать. Где она, бедняжка? Не знаю.

Ш а у к а т. Ты про маму, отец? Она умерла... Маму убили, отец!..

Ф а р и т (*окаменев*). Убили? Убили... Кто убил? Нет, такое невозможно... Да я же за них дважды воевал.

Ш а у к а т. Пришёл казак... Армянин пришёл. Стреляли из ружей. Мечеть наполнилась дымом. Мама упала, захлебнулась кровью. «Шаукат!»— проговорила. Пожала мне руку. Сказала: «Алла!» и умерла... Умерла, отец!

Ф а р и т (*вскочил, схватившись за голову*). Мог ли я подумать! (*Плачет.*)

Р а з ы я (*подойдя через некоторое время к Фариту*). Мужайся, эфенде! Видно, судьба такая... Пусть душа её будет в раю!

Ф а р и т (*вытирает глаза*). Ханум-эфенде, я по доброй воле пошёл воевать, девять месяцев был на войне... Четыре раза ранен. На краю смерти... Не знал страха. Никак не думал, что меня ожидает такое горе... Ах, Захида, бедняжка Захида! Упала на землю, захлебнулась кровью. «Алла!» — сказала и испустила дух... Мы тоже воевали, но в церкви не заходили, женщин не убивали! (*Плачет.*)

Р а з ы я (*протягивает чай*). Пей, эфенде! Немного легче будет!

Ф а р и т (*отпил глоток*). Прости меня, ханум-эфенде! Уже и чай не в радость. И жизнь уже не дорога. Я так верил, что после войны буду счастлив с

семьей... *(Стоит неподвижно, Шаукат вытирает глаза. Долгая пауза.)* А что с дочкой Нурией?

Шаукат. Нурия была у мамы на руках. На руках...

Фарит. А дальше что?

Шаукат. Снова пришёл казак. Снова армяне. Снова стреляли из ружей. Нурия тоже в крови. Дым разлетелся. Я поцеловал маму. Нурию забрал с собой. Она было холодная, как лёд. О, отец, как лёд... Пришёл казак и забрал её у меня... *(Фарит заскрежетал зубами.)*

Фарит. Так вот для чего я два месяца пешком ходил из аула в аул — чтобы услышать всё это? Зачем ты ранишь и без того израненную душу мою? *(Плачет, стоя, сотрясаясь телом.)*

Разыя *(идёт к нему)*. Эфенде, эфенде, возьми себя в руки, против судьбы не пойдёшь... Всё, что тебе положено, проживёшь сам, другие вместо тебя не станут ни страдать, ни радоваться! Вот, хвала Аллаху, есть у тебя чудесный сын! И сам ещё молод. Построишь новую семью! Жизнь начнётся снова. Вот, соверши тахарат и молись Аллаху за свою жену.

Фарит. Правильно, ханум, правильно. *(Шаукату.)* Вода есть, сынок?

Галима. Есть, есть!

Фарит с Шаукатом выходят.

Разыя. Галима! Где-то у нас одежда есть, оставшаяся от зятя. Принеси. Что-то уж очень плохо он одет. Прихвати и брюки с рубахой! *(Галима выходит.)* Вот она, жизнь! Радость и горе рядом ходят. А от дочки так и нет ничего!

Галима *(приносит ворох одежды)*. Это?

Разыя. Ну да, да!

Галима. Шаукат! Шаукат!

Шаукат *(издали)*. Что?

Галима. Иди сюда!

Шаукат входит.

Р а з ы я. Отнеси эти вещи отцу, пусть оденется! (*Шаукат уносит. Галима тоже выходит. В одиночестве идёт к окну.*) Как темно! Как всё безнадежно... Нет от дочки вестей. И по прямой связи нет ничего, и по кривой — тоже Ладно, пусть Аллах решает, положусь на него.

Входят Фарит в другой одежде и Шаукат.

Р а з ы я. Ну вот, очень хорошо! (*Даёт Фариту молитвенной коврик. Показывает.*) Кыбла у нас там. (*Шаукату.*) Вставай на колени в молись вместе с отцом. Он будет читать молитву, а мы с тобой говорить: «Аминь».

Всё возносят руки, Разыя кашляет. Изредка говорит: «Аминь» Галима накрывает стол к обеду. Молятся.

Р а з ы я. Вот так. Молитва всегда приносит облегчение. А как Шаукат встретил отца! Разве это не радость?

Ф а р и т. Спасибо вам, ханум! Вы сыну моему как мать. И ко мне отнеслись, как к сыну...

Р а з ы я. Я всю жизнь была вдовой. Хорошо знаю, что такое горе. Я готова делать для людей всё, что в моих силах! Вы же вдали от своей родины ради нашего покоя проливали кровь. Пусть Аллах щедро воздаст вам за это!

Г а л и м а (*разливает суп*). Садитесь!

Р а з ы я. Садитесь же, эфенде! (*Садятся.*) А вести всё нет как нет... (*Вдруг вздрагивает.*)

Г а л и м а. Что случилось?

Р а з ы я. Кто-то в санях остановился возле ворот. Иди, погляди, кто это!

Г а л и м а. Вечно тебе чудится что-то.

Р а з ы я (*смотрит в окно*). Ничего не видать. Тьма тьмущая, хоть глаз коли! Иди же, Галима, поспеши!

Г а л и м а. Да нет же ничего!

Ф а р и т. Давайте я погляжу.

Р а з ы я. Нет, нет!

Галима идёт к двери, слышны чьи-то шаги. Галима широко распахивает дверь. Входит Бану в солдатской шинели с ребёнком на руках и бросается к матери.

Б а н у. Mamочка, родная моя, замучила в тебя! Mamочка, золотая моя... Mamочка, прости меня! Валлахи, не хотела я причинять тебе огорчения! (*Громко плачет, обе плачут, обнявшись. Бану не замечает ни Фарита, ни Шауката.*)

Р а з ы я. Покажи, сыночка моего! (*Бану протягивает ей ребёнка.*)

Б а н у. Он очень замёрз. Не заболел бы.

Р а з ы я (*берёт ребёнка на руки*). Сыночек! (*Хочет сказать что-то и не может... Наконец:*) А где зять? Где он, дочка?

Б а н у. Не спрашивай, мама, не спрашивай! Застрелили... Увели от меня, поставили к стене и застрелили... Я даже выбежать не успела! (*Громко рыдает.*)

Р а з ы я. Застрелили? Застрелили! За что? (*Поднимается с места, с трудом держась на ногах. Садится.*) Кашляет.

Б а н у (*сквозь слёзы*). Не знаю, мама, не знаю, не трогай рану мою! Была война. Большевик победил. Наше войско бежало в горы. Бакир сказал, что он не военный и не стал скрываться. Я просила его, но он не послушался, остался. Всюду устраивали обыски. Пришли и к нам. Ничего не нашли. Бакиру говорят: «Одевайся!» «Куда вы уводите его?»— спросила я. «В милицию»,— говорят. Тут сыночка заплакал. Я стала успокаивать и опоздала. Пошла посмотреть, куда его увели. Только вышла из двери, раздался выстрел. Он упал. Я тоже упала. Что было потом, не знаю... Даже на женазу не встала. Две недели провалялась в бреду. Как только поднялась, с фальшивым солдатским паспортом отправилась сюда. Три недели мучилась в дороге. Сорок раз

обыскивали. (*Громко плачет.*) Мама, не обижайся, я наказана за твои переживания. Я была так легкомысленна по молодости. Даже не подумала ни разу, как трудно, должно быть тебе одной... Только с потерей Бакира мне стало понятно, как тяжка твоя доля! (*Обе плачут.*)

Ф а р и т. Успокойтесь, ханум... Успокойтесь!

Б а н у (*оборачивается*). Кто это, мама?

Ш а у к а т. Это отец мой. (*Фарит кивает.*)

Б а н у. А ты кто?

Р а з ы я. Это турецкий мальчик. Заблудился, жил у нас. А это дочь моя, эфенде, единственная моя. Мужа её убили.

Б а н у (*тихо*). Человек этот чем-то напоминает мне Бакира.

Р а з ы я. Я отдала ему одежду зятя.

Г а л и м а. Садитесь же, суп стынет!

Б а н у. Какое счастье, мама, что вижу тебя! Я ведь думала: не доберусь, умру где-нибудь по дороге.

Р а з ы я. Я тоже очень беспокоилась! (*Кашляет.*)

Б а н у (*испуганно*). Ты, почему кашляешь?

Р а з ы я. Простудилась дочка, холодно... Ну, давайте же, садитесь!

Бану сбрасывает шинель. Всё садятся.

Р а з ы я (*Фариту*). Вот теперь всё мы равны, у каждого страданий не меньше, чем у других.

Б а н у. Как зовут эфенде?

Ф а р и т. Фарит!

Б а н у. Фарит-эфенде нашёл своего сыночка, а мы дорогих нам людей потеряли!

Ф а р и т. Я, ханум-эфенде, тоже потерял. Только что узнал, что жена моя и дочка застрелены...

Р а з ы я. Здесь один — единственный счастливый человек — это дитя.
(Показывает на Тимера.) Смотри-ка, дочка, он улыбается!

Ф а р и т. Пусть наши страдания откроют детям путь к будущему счастью!

Р а з ы я. Да, конечно.

Б а н у. Фарит-эфенде, вы турок?

Ф а р и т. Да.

Б а н у. Вы говорите, как крымчанин.

Ф а р и т. Это смесь татарского с турецким. Теперь я так разговариваю.

Р а з ы я (зябко ёжится). Галима, принеси шубу, что-то знобит меня.

Б а н у. Что такое, мама?

Р а з ы я. Ничего страшного. (Дрожит.) Так бывает, сперва мёрзну, а потом потею...

Б а н у. Мамочка, милая!

Галима приносит шубу, Разыя надевает её.

Р а з ы я. Лекарство принеси!

Галима приносит, Бану даёт лекарство.

Ф а р и т. Надо бы ханум-эфенде доктору показать.

Р а з ы я (дрожит). Сегодня только был врач. Говорит, что это простуда.
Весной советует ехать на кумыс.

Б а н у. На кумыс советует? (Разыя кашляет.) На кумыс? (Озабоченно.)

Ф а р и т. Ничего, это пройдёт...

Б а н у. Вы так думаете, Фарит-эфенде? Хоть бы уж прошло!

Вбегаёт М а х р у й.

М а х р у й. Вы чего тут сидите?» Говорят, матросы большевистские явились. Татарские большевики направили их сюда. Слышно, народ убил из них кого-то. Война с большевиками начинается! Люди так говорят. Люди из Шуры ходят по дворам и велят закрывать окна. Кричат: «Окна закрывайте!» Спешите вы тоже!

Махруй исчезает. Всё застывают в растерянности.

Б а н у. Я из огня да в полымя попала...

Р а з ы я (*дрожит*). Сердце как предчувствовало. Мало им было там крови, так сюда примчались... Теперь нас порежут!..

Всё дрожат.

Ф а р и т. Ханум-эфенде! (*Показывает на себя.*) Я — честный турецкий солдат, воевал за народ, семью свою принёс ему в жертву. Сейчас я здесь обязан защитить двух одиноких женщин и двоих малых детей! Это мой долг! Не бойтесь! (*Вынимает из кармана револьвер.*) Пока я жив, в эту дверь ни один враг не войдёт...

Р а з ы я, Б а н у. Спасибо, Фарит-эфенде, спасибо!

Ш а у к а т. Отец, я тоже с тобой!

Б а н у. И я с вами!

Р а з ы я. Мы всё, всё мы вместе!

Ф а р и т. Всё вместе, будем защищать покой этой семьи. За то, чтобы в будущем эти сироты были счастливы, не пощадим жизни! (*Целует сына. Бану ласкает младенца.*)

Р а з ы я. Молитесь!

Галима запирает двери. Приносит топоры. За окном слышны выстрелы, грохот пулемёта, слышны громкие голоса людей грубые окрики.

Занавес

Действие пятое

Спустя месяцев пять-шесть. Тот же дом. Нет ни мебели, ни штор на окнах, нет зеркал и часов. Стены пусты. Комнаты пусты. Занавес поднимается, за стеной слышны голоса. Оттуда выходят несколько красноармейцев — в охапках женской одежды, с подушками. Вещи бросают на середину комнаты.

Один. Сюда тащите всё! Ишь, больной притворяется... Буржуйка!

Несколько красноармейцев. А ну, шагай давай, или приклада хочешь отведать?! Шагай, говорю!

Выходит Разыя, держась за стену. Вся дрожит. Сгорбилась. На ней старый камзол, шаль. За матерью выходит Бану.

Комиссар (*сидя, обращается к Разые*). А ну, говори, где у тебя деньги! (*Разыя кашляет.*) Где деньги, говорю? (*Красноармейцы наставляют револьверы. Один подносит револьвер ко лбу женщины.*) Где деньги?

Разыя. Нет у меня денег. Я одинокая вдова. Нет денег...

Красноармеец. Нет, говоришь?! (*Подносит револьвер.*) Буржуйка! Я покажу тебе «нет»!

Разыя дрожит, с трудом держится на ногах.

Бану (*стоит за ней*). Стыдитесь! Героев из себя строите! Экие храбрецы — полуживую старушку одолели, да? (*Выходит вперёд.*) Садись, мама!

Один красноармеец ударяет Бану, схватив её за руку.

Красноармеец. Буржуйка, кровопийца! (*Ударяет Бану револьвером, та отлетает к стене.*)

Из внутренней комнаты появляется ещё несколько человек с вещами.

К о м и с с а р. Говори, где деньги прячешь?

Р а з ы я. Денег тебе надо? Грабишь одиноких женщин и ждёшь, небось, что это принесёт тебе благо? *(Кашляет.)* Верзила! Как не совестно!

О д и н к р а с н о а р м е е ц. Молчи, буржуйка! Не то порву пасть-то!

Р а з ы я. Давай, давай, убивай, сынок...

Б а н у. Мама, сядь! Сядь, мама! *(Комиссару.)* Как можно мучить старую женщину, она едва на ногах держится! Хоть капля совести есть у тебя?

К о м и с с а р. Мы здесь не для того, чтобы слушать твои поучения! Скажет, где деньги, избавится от нас!

О д и н к р а с н о а р м е е ц. А эта штучка ничего себе! *(Пытается схватить Бану, та ударяет его.)*

Р а з ы я *(кричит душераздирающе)*. Срамник! Не смей! *(Комиссару.)* Да как же это можно?! Где ваш стыд, где закон ваш?!

К о м и с с а р *(смеётся)*. Закон... А-а, закон?! Слишком много вы нашей кровушки выпили!

Р а з ы я. Мы что ли пили твою кровь? Да как я могла, я — одинокая вдова? Ты здоровый мужик. Ты русский. Я мусульманка. Как могу я пить твою кровь? Ты награл, загрёб всё, что мог, а теперь ступай своей дорогой!

Из женских покоев выходит к р а с н о а р м е е ц с бутылкой динатурата в руке.

К р а с н о а р м е е ц. Ура! Смотри, что я нашёл... Буржуи припрятали. *(В руке у него стакан, всё наливает. Пьют. Сам навеселе. Смеётся.)* Эхе-хе, напужались, буржуи? *(Приставив револьвер к носу Разыи.)* Нюхай давай, чем пахнет? Буржуйка!

О д и н к р а с н о а р м е е ц. Чего тут время вести! К стенке их — и весь разговор...

К о м и с с а р. Даю вам пять минут, скажете, где у вас деньги, золото, серебро припрятаны, останетесь живы, а не скажете — всѣх в расход пустим!

Р а з ы я. Зря потратите свои пять минут! Нет у нас денег!

Солдаты тащут женщин к стене. Разыя и Бану стоят у стены, взявшись за руки.

К о м и с с а р. Прошло две минуты! (*Красноармейцы заряжают револьверы.*) Жить вам осталось одну минуту. Отвечайте, когда по-хорошему говорят!..

Б а н у. Мы всё сказали!

К о м и с с а р. Последний раз спрашиваю: где?

Р а з ы я. Я не царь, чтобы деньги жаловать.

К о м и с с а р. А ну-ка, проучите их хорошенько!

Пьяный солдат льѣт динатурат из бутылки в рот Разыи.

С о л д а т. Пей, буржуйка, смелей будешь! (*Всѣ громко хохочут, солдаты держат револьверы наготове.*)

Р а з ы я. Ля илахе илла Аллахе... Давай, стреляй, чего стоишь?!

Входит Ш а у к а т, увидев солдат, вцепляется в них.

Ш а у к а т. Не убивай ханум-эфенде, не убивай! (*То к одному кидается, то к другому.*) Не убивай! (*Плачет.*) Русские маму убили, теперь ханум-эфенде убить хотят... Отец, отец, где ты? Отец, здесь враги! (*Уходит.*)

Вбегает Г а л и м а.

Г а л и м а (*увидев красноармейцев*). Ах, вы бесстыдники, воры! (*Бьёт то одного солдата, то другого. Пьяный солдат пытается положить на неё руку, Галима с силой толкает его.*) Не подходи, охальник!

К о м и с с а р. Стоять! Тебе тоже к стенке захотелось? (*Разые.*) Ну, скажете?

Р а з ы я. Мне нечего говорить тебе!

К о м и с с а р. Пли!

Солдаты стреляют. Комната наполняется дымом. Входит Шаукат и громко плачет. Кричит: «Отец!» Женщины стоят у стены. Дым рассеивается, Разыя падает без чувств. Из рта её идёт кровь.

Б а н у. Мамочка, дорогая моя, мама родная! (*Бросается к матери, солдаты приставляют к ней револьверы.*)

К о м и с с а р. Мы стреляем понарошку, чтобы попугать. Три дня вам отсрочка. А не скажете за три дня, застрелим! За мной, товарищи!

Солдаты забирают вещи. Один сдёргивает шаль с лежащей без чувств Разыи.

Г а л и м а. Не дам! Не для вас сшила я платье! (*Выдёргивает вещи из рук солдат, те бьют её, пьяный солдат громко хохочет.*)

К о м и с с а р. Пошли, товарищи! (*Всё уходят.*)

Ш а у к а т. Отец, отец! (*Кричит и убегает.*)

Галима с Бану поднимают Разыю и кладут на диван.

Б а н у. Принеси воды, Галима! (*Плачет.*) Неужели умирает... Неужели! Посмотри-ка, пуля попала в нее? Или сознание потеряла?..

Г а л и м а (*даёт воды*). Пригубь немного... А ты говори «Бисмилла!» Крови-то больше не видать нигде... Не задело, похоже!

Обе хлопчут возле Разыи. Вбегают Ш а у к а т, за ним Ф а р и т. У Фарита в руке револьвер. Увидев, что кроме женщин никого нет, удивляется.

Ф а р и т (*прячет револьвер*). Простите, ханум... Я ведь думал, что враги ещё здесь, стрелять приготовился! (*Подходит к Разые. Всё глядят на неё. Долгая пауза.*)

Р а з ы я (*тихим голосом*). Дайте воды. Воды, душа горит... Ля илахе илла...Аллахе! (*Галима даёт воды, Разыя пьёт. Снова пауза. Разыя открывает глаза, видит Фарита.*) Ты тоже здесь? Я не боялась ничего, думала лишь о том, чтобы ты не появился. Аллах спас нас. Ты горячий человек, не выдержал бы. Какое счастье! Мы всё могли погибнуть!

Ф а р и т. Мне легче было умереть, чем видеть, до чего они довели вас!

Б а н у. Да, конечно, только женазы нам и не хватало!

Р а з ы я. Нет, вы, молодые, должны жить! Смерть — это мой удел. Шаукат, иди сюда, мой мальчик, садись! (*Шаукат садится.*)

Г а л и м а. Проклятые! Всё мне тут вверх дном перевернули! Я так берегла три заколки для волос, так даже их украли, кяфиры...

Р а з ы я. Ладно, Галима, не волнуйся! Окна завесьте чем-нибудь... Очень пить хочется!

Галима, Фарит, Бану принимаются завешивать окна чем попало.

Б а н у (*Фариту*). Ну вот, теперь света не видно, а то увидят, что керосин жжём и явятся снова!

Ф а р и т. Всё хорошо! (*Шаукату.*) Сынок, выйди на улицу, посмотри, не просвечивает ли где. (*Шаукат выходит*)

Р а з ы я. Когда же она кончится, эта жизнь каторжная?!

Ф а р и т. Говорят, турки Баку заняли, идут на Астрахань. А там, иншалла, и Казань не за горами!

Р а з ы я. Дай-то Аллах!

Ш а у к а т (*входит*). Не видно света.

Р а з ы я. Чай готов? Очень уж жажда мучает...

Б а н у. Готов, мама, готов.

Галима вносит самовар, разливает чай.

Р а з ы я. Галима! Тихонько через чёрный ход сходи за хазратом. Скажи ему: «Абыстай очень больна... Завещание хочет оставить, просит прийти».

Г а л и м а. Какое ещё завещание? Ведь те собаки окаянные припугнули только!

Б а н у. Не надо, мама, не надо!

Р а з ы я *(кашляет)*. С завещанием на душе легче будет! *(Кашляет. Бану наливает ей чая.)*

Ф а р и т. От завещания вреда не будет. Только не лучше ли позвать имама-эфенде утром?

Р а з ы я. Сегодня... *(Кашляет.)* Сейчас... Ведь если бы пуля того проклятого задела, была бы теперь мёртвой... Кто бы узнал мою последнюю волю?.. *(Шаукату.)* Иди, сынок, с Галимой за компанию.

Шаукат с Галимой уходят. Разыя берёт чашку сильно трясущейся рукой. Фарит стоит неподвижно.

Р а з ы я. Росла беспокойно... Жила нелегко... И умереть мирно не могу! *(Кашляет. Протянув руку дочери.)* Всё за тебя волновалась, дочка, за тебя... Как же ты теперь одна, с маленьким ребёнком... горемычной вдовой жить-то станешь?

Б а н у. Не говори так, мама, не надо... *(Ложится к матери на колени.)* Ты не умрёшь... Мама, ты не умрёшь!

Р а з ы я. Всё в воле Аллаха. Что в книге судьбы написано, то и будет. И на кумыс поехать не смогла. Отрезана туда дорога. Не повезло!

Ф а р и т. Иншалла, ханум, вы поправитесь!

Р а з ы я. Не для себя... Ради дочки пожить бы ещё немного, пока не закончится весь этот кошмар! Но, если закончилось отмеренное время...

(*Кашляет, Фарит хочет сказать что-то и не может.*) Дочка, если умру, не отпускаяй Галиму, разве что сама уйти захочет! Она дерзкая чуть-чуть, но это ничего, зато искренняя, прямая. За шесть лет я хорошо её узнала... Если сама не пожелает... (*кашляет*). А найдется человек, выдай её замуж по-хорошему, устрой свадьбу... (*Фариту.*) Садись, пей чай. Мы успели привыкнуть к тебе... Нам, одиноким вдовам, ты стал большим другом. Спасибо...

Ф а р и т (*сидит*). Для вас, ханум-эфенде, для вашей семьи я готов делать всё, что смогу! Вот поправитесь, мы ещё поговорим с вами, посоветуемся.. еще...

Возвращаются Галима с Шаукатом. Галима держит в руке узелок.

Г а л и м а. Тут чалма, чапан хазрата. Говорит, в трибунал его вызывали. Напуган он. Просит не шуметь, вести себя очень тихо. Пойду, открою ему дверь.

Бану накидывает на себя шаль. Галима выходит. Через некоторое время появляется х а з р а т в солдатской шинели. За ним — Галима.

Х а з р а т. Ассаламе галейкум! Не пугайтесь: я не большевик...

Ф а р и т. Вагалейкум ассалам! Просим вас, хазрат, проходите.

Хазрат сбрасывает с себя шинель, облачается в чапан и чалму.

Х а з р а т. Мы успехам турков радовались, а здесь вон как вышло!

Ф а р и т. Да, верно, хазрат...

Р а з ы я. Садитесь, хазрат... не обессудьте за беспокойство. (*Хазрат садится.*) Неважно я себя чувствую. Решила вот завещание оставить.

Х а з р а т. Да... Учитель наш покойный дамелла Фахри говаривал: «Я

завещание своё оставил в возрасте тридцати четырёх лет». От этого документа никому плохо не бывает. Бумага и чернила найдутся? (*Бану приносит бумагу и чернила.*)

Ф а р и т. Хазрат, чай налить вам?

Х а з р а т. Настоящий чай или листья яблоневые?

Р а з ы я. Настоящий, хазрат, натуральный чай...

Х а з р а т. В таком случае одну пиалу налейте... Мы находимся в ведении Национального правления. Большевиков не признаём, считаем их карой, которую наслал на нас Аллах. Поэтому всё делаем, согласно шариату... Вы, абыстай, наверное, того же хотите, верно?

Р а з ы я. Да, верно... Я, хазрат, буду говорить, а вы записывайте, как находите нужным! (*Хазрат написал заголовок завещания. Всё молча смотрят.*) Дети Хайруллы-абзы пусть бесплатно живут в доме у нас, пока не станут взрослыми... Ты, дочка, не бери с них плату. (*Бану, соглашаясь, кивает.*) В ауле моём есть у нас оставшийся от отца яблоневый сад. Большевики присвоили его. И всё же (*он, возможно, вернётся к нам*), пусть сад этот станет принадлежностью женской школы в ауле. Магазин наш на углу Рыбного базара пусть станет общей собственностью Шауката и маленького внука моего Темира! (*Хазрат пишет.*) Шубу мою с шёлковым верхом, калфак, платье парчовое, которое снохой носила, серьги, подарок свекрови, два браслета, шёлковый алый камзол, застроченный цветочным узором, оставляю Галиме... Дочка, ты знаешь, где всё это?

Б а н у (*сквозь слёзы*). Знаю, мама! (*Галима тоже плачет.*)

Р а з ы я. Шёлковый палас, доставшийся мне от мужа, пусть постелят в мечети! А всё оставшееся имущество переходит к моей дочери...

Х а з р а т. Хорошо, хорошо! (*Пишет. Пауза.*) Всё, готово. Теперь нужны свидетели!

Р а з ы я. Фарит, подпиши ты!

Ф а р и т. Слушаюсь! (*Взяв ручку у хазрата, ставит подпись.*)

Р а з ы я. Дочка, ты тоже подпиши! (*Бану подписывает, продолжая*

плакать.) Хазрат, прошу вас принять эти серьги! Пусть будут вашей дочке. Я носила их, а теперь они не нужны мне. Пусть молодые радуются... (*Снимает серьги с себя.*)

Х а з р а т (*принимает подарок*). Спасибо, абыстай.

Р а з ы я. Когда умру, уж вы, хазрат, проводите меня по всем правилам, как в книге сказано. Дочка ещё молодая, а других людей у меня нет...

Х а з р а т. Абыстай, прошу понять меня, ведь я скрываюсь. Но я скажу муэдзину... Ещё и дети у меня малые... Так что жизнь дорога. Меня под трибунал отдали за то, что сказал: «В медресе нужны уроки веры, без них никак нельзя». (*Встаёт.*) До свидания! Всё мы свободы ждали, твердили: хоррият, хоррият, а получилось вот что! Прощайте! (*Фарит идёт провожать.*)

Р а з ы я. Мне холодно, дочка! (*Её укрывают. Пауза. Входит Фарит. Галима с Бану возле Разыи. Фарит — в стороне. Разыя принимается удушливо кашлять. Харкает кровью.*) Кхе, кхе... вроде легче стало. Пусть самовар кипит, не гаси его! Пусть шумит, не переставая! Покойный муж мой не признавал чай из потухшего самовара. Умер бедняга. И Хайрулла-абзы умер... Да... И зятя убили! (*Бану подаёт чай. Разыя отпила чуть-чуть. Галиме.*) Галима, ты много помогала мне, спасибо! Когда умру, не бросай туташ... Она ещё так молода. Может, и погорячится когда, и поругает, но ты всё равно не бросай её! Живи до тех пор, пока в мире не наступит тишина. Ладно?

Г а л и м а (*плачет*). Ладно, ладно!

Р а з ы я (*Шаукату*). Ты вырастешь, станешь таким же, как отец... Не забывай меня! Молись за бабушку, которая жила когда-то. Читай Коран, ладно?

Ш а у к а т. Ладно... (*Пауза.*)

Р а з ы я. Доченька... (*Долго кашляет, платок обагрется кровью... Хриплым голосом.*) Дочка (*показывает на ребёнка в колыбели*), не думай о ребёнке! Встретишь человека, выходи за него... Обязательно выходи... Тяжело одной нести на себе боль и тяготы, лучше делить всё это на двоих... Не надо

ради ребёнка приносить себя в жертву! Выходи замуж! *(Бану громко плачет, Фарит встаёт и пытается сказать что-то. У Разыи снова приступ кашля. Она гладит Бану по голове.)* Фарит! *(Фарит встаёт и идёт к Разые.)*

Ф а р и т. Что, ханум?

Р а з ы я. Мне многое, очень многое хочется сказать тебе... *(Кашляет.)*

Так уж получилось...

Ф а р и т. Слушаю, ханум! *(Пауза.)*

Р а з ы я. Я приглядывалась к тебе. Ты хороший человек, хороший. Дочка... Дочка!

Б а н у. Что, мама?

Р а з ы я. Я говорю: хороший человек Фарит... Ты тоже так думаешь, дочка?

Б а н у. Да...

Р а з ы я. Да, да... Много чего хотела бы сказать... Хотя по крови и по вере вы сродни, остаётесь всё же чужими... *(Кашляет.)* Правильно говорю, дочка?

Б а н у. Да, мама!

Р а з ы я. Да, чужими... *(Фариту.)* Если это возможно... Если не очень скучаешь по своей родине, не увози Шауката сразу же после моей смерти... Он будет товарищем Бану и мужской дух всё же в доме будет. Верно, говорю, дочка?

Б а н у. Верно, мама.

Р а з ы я. Да, конечно, ты, Фарит, поступишь, как захочешь, но я верю в тебя. Правильно, дочка?

Б а н у. Да...

Ф а р и т. Ханум-эфенде! Живите ещё много лет! Я готов всегда служить вам! И Бану ханум тоже...

Р а з ы я. Так, так... Дочка одна остаётся... Зять погиб... И братьев нет у неё... Вдова... Сирота... Совсём одинокая...

Ф а р и т. Разрешите мне жить с сыном в этой маленькой комнате?!

Р а з ы я. Если хочешь, очень даже разрешаю... Живи, где нравится — в маленькой или в большой... Верно, дочка?!

Б а н у. Да...

Ф а р и т. Живите сто лет, ханум-эфенде! Но я никогда не оставлю Бану ханум в одиночестве, пока сама не прогонит.

Б а н у. Зачем же мне прогонять вас? Не будет этого... Если мама умрёт, а ты уедешь, что же я делать-то буду?..

Ф а р и т. Будет, как прикажете!

Р а з ы я. Я хотела бы видеть в тебе сына, Фарит. Жаль, что жизнь кончается...

Ф а р и т. Позволь мне, ханум, стать твоим сыном!

Р а з ы я. Так, так. Хорошо... *(Бану смотрит на Фарита, широко раскрыв глаза. Пауза.)* Так ведь, дочка?

Б а н у. Так, мама!..

Р а з ы я. Так, Фарит? Ты понял?

Ф а р и т. Так, ханум. Если Бану-ханум согласна, а вы позволите, я был бы счастлив! *(Бану склоняет голову.)*

Р а з ы я. Дочка, дочка...взгляни на меня! *(Бану смотрит на мать, кивает головой. Фарит целует Разые руку.)* Я благословляю вас! Пусть Аллах даст вам праведной жизни и вечного счастья! Я очень верю в тебя, Фарит! Дочь свою, свет очей моих, я берегла всю жизнь... Давайте помолимся! *(Воздевает руки.)* Пусть Аллах сделает вашу жизнь радостной, не позволит грустить и печалиться, чтобы жизнь ваша не была похожа на мою, не прошла бы даром! Будьте верны друг другу. Дочка, умей ценить радости жизни... *(Кашляет.)* Не замечай недостатков мужа, будь слепой! В жизни всё бывает... Будь слепой... Фарит! *(Показывает на колыбель.)* Отец этого невинного создания погиб за народ, не огорчай дитя! Замени ему отца...

Ф а р и т. Всё будет, как вы говорите, ханум! Всё будет так!

Р а з ы я. Дочка! *(Показывает на Шауката.)* Мать этого сироты, погибла за народ, будь ему ласковой, доброй матерью! *(Бану склоняет голову. Разыя*

кашляет, задыхаясь. Всё смотрят, Разыя внезапно встаёт. Громким голосом.) Галима! Принеси мне платье с золотым шитьём, парчовый камзол, бусы! Быстро неси... и духи захватить не забудь! Буду праздновать свадьбу... Дочку замуж выдавать. Единственную свою за того, кто мил мне... Быстро неси... Много горя пришлось испытать. Очень много пролито слёз. А сегодня мне радостно. Я счастлива, потому что праздную свадьбу... Большую свадьбу... Зажгите лампы! Пусть в доме будет свет! Всё зажигай! Зови всех соседей, друзей! Скажи им: «Свадьба у нас!» Свадьба! Пусть придут все! Пусть увидят свадьбу! Весёлую нашу свадьбу!

Б а н у (подходит к ней). Мама, мама... Мамочка! *(Разыя не слышит.)*

Р а з ы я. Пусть придут музыканты! Пусть они играют! Пусть песни звенят! Пусть все друзья радуются, смеются! А враги пусть злятся... плачут! Свадьба! Новая жизнь, свадьба! *(На улице раздаются оглушительные выстрелы. Разыя вдруг останавливается, потом громко кричит.)* Убили, убили, большевики убили... *(Разыя падает. Бану и Фарит не успевают поддержать её. Умирает.)*

Б а н у (падает на колени). Умерла, умерла мамочка родная моя умерла, прости нас!

Фарит в растерянности. Шаукат громко плачет. Галима стоит, как вкопанная. В дверях появляются старая К а р и м а в потрёпанной одежде и М а х р у й.

О б е. Что случилось?! Что случилось?!

Б а н у. Мама умерла... умерла.

Все стоят с поникшими головами, опускаются на колени и, воздев руки, молятся. На улице звуки выстрелов становятся все громче.

Занавес.

Париж, 1920 год

Перевод с татарского

Азалии-Килеевой-Бадюгиной

Перевод осуществлён по изданию:

Исхакый Г. Эсэрләр. В 15 томах. 5 том/төз.

Л. Гайнанова. — Казань: Татар. кит. нәшр., 2001